

ЛАЙЗА
ДЖУЭЛЛ

Дом на улице
Мечты

РОМАНЫ О СИЛЬНЫХ ЧУВСТВАХ

Лайза Джуэлл
Дом на улице Мечты

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Джуэлл Л.

Дом на улице Мечты / Л. Джуэлл — «Эксмо», 2007 — (Романы о сильных чувствах)

Неудавшийся поэт Тоби Доббс владеет огромным особняком, который он превратил в подобие общежития. Все его жильцы очень разные, но их объединяет одно – в этих стенах они переживают непростые времена. И вот черед неожиданных событий вынуждает Тоби продать дом. Чтобы освободить его от обитателей, Тоби берется решить проблемы друзей. Лия, девушка, живущая напротив, вызывается помочь ему с этой затеей, однако их план не так-то просто воплотить в реальность.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Джуэлл Л., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

Пролог	6
Пятнадцать лет назад	8
1	12
2	14
3	17
4	19
5	22
6	26
7	28
8	32
9	34
10	38
11	44
12	46
13	49
14	52
15	55
16	59
17	62
18	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лайза Джуэлл

Дом на улице Мечты

Lisa Jewell

31 DREAM STREET

Copyright © Lisa Jewell, 2007

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The
Van Lear Agency LLC

© Рапопорт И., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Пролог

Сквозь узкую полоску между двумя занавесками Лия взглянула на другую сторону улицы.

Дом № 31 по Сильверсмит-Роуд – здание очень оригинальное, отличающееся от соседних строений как расположением, так и внешним видом. Трехэтажный особняк был построен сто пятьдесят лет назад по заказу пожилой супружеской четы. Раньше занимавшиеся ювелирным делом, почтенные господа выбрали место для строительства особняка, плененные восхитительным видом, открывавшимся отсюда на сельскую местность Хартфордшира. Чтобы можно было наслаждаться пейзажем во всей красе, вокруг всего первого этажа была построена веранда с изумительными коваными решетками. Теперь, однако, взоры того, кому вздумается сесть здесь в кресло, улаживают лишь пара безвкусных коттеджей в викторианском стиле на противоположной стороне улицы да «восхитительный» вид на верхние этажи трех уродливых многоквартирных домов района Энфилд.

У пожилых супругов-ювелиров был необычный художественный вкус: украсили стены своего дома яркими изразцами, привезенными из своих многочисленных поездок, – в поисках оригинальной плитки они объездили почти все блошинные рынки и базары мира. Поэтому по обе стороны от входной двери плиткой выложены панели с изображением павлинов. Отсюда и неофициальное название особняка – «Пикок¹-Хауз». И в самом деле, когда Лия рассказывала, где живет, она часто повторяла фразу: прямо напротив Пикок-Хауза.

Еще необычнее дом выглядел по вечерам, когда в его окнах горел яркий свет. При взгляде на особняк Лия сразу вспоминала керамический светильник, который был у нее в детстве: домик в виде большого гриба, с окошками и дверцами, а внутри его – крошечные человечки. Лия часто представляла себе, каково это – жить в таком домике, где уютно и тепло и где чувствуешь себя защищенной. Пикок-Хауз казался ей именно таким местом. С его витражными окнами, расписными изразцами, резными фронтонами, ажурными светильниками и фигурами львов, охранявших вход, этот особняк прямо-таки манил.

Лия увидела, что передняя дверь открылась, и на пороге возникла Девушка с Гитарой. Лия и Амиабх придумали клички для всех обитателей Пикок-Хауза: Девушка с Гитарой, Тощий Старик, Тощий Парень, Подросток, Стюардесса и Сибил² (получившая такое прозвище потому, что постоянно меняла свой образ – и так кардинально, что Лия и Амиабх были уверены: у нее точно расстройство личности). Девушка с Гитарой остановилась у подножия лестницы и зажгла сигарету. Затолкав за ухо копну своих черных как смоль волос, она накинула на плечо гитарный ремень и зашагала налево, по направлению к Хай-Роуд, цокая своими сапожками на шпильке, издававшими резкий металлический звук.

Как и каждый вечер, из окна на втором этаже за ней наблюдал Тощий Парень. Как обычно, лицо его, на котором были написаны обожание и какая-то трогательная обреченность, освещал лишь тусклый свет компьютерного монитора. Станный юноша. Не сказать, что непривлекательный, но, казалось, уже давно и решительно поставивший на себе крест. На голове у него был ворох кудрявых локонов, причем кудрявились они почти как у африканца, а лицо обрамляли бакенбарды, разлетаясь в стороны, словно крылья ангела. Лучшим другом Тощего был его компьютер, и с тех пор, как Лия переехала на Сильверсмит-Роуд, ей казалось, что из дома этот парень выходил лишь пару раз.

Лия понятия не имела, что за люди в доме напротив – не знала ни имен, ни того, в каких отношениях состояли жильцы дома. Она понятия не имела ни кому принадлежит дом,

¹ Пикок (peacock) – павлин (англ.).

² Очевидная аллюзия на британскую театральную и киноактрису Сибил Торндайк.

ни как в нем все устроено – общежитие? Или дом на две семьи? Или на одну довольно странную семью, представители которой скрещивались между собой? За те почти три года, что Лия прожила напротив Пикок-Хауза, у нее ни разу не было возможности поговорить ни с одним из его обитателей. Не то что поговорить – даже улыбкой обменяться или просто кивнуть при встрече. И это при том, что в силу характера Лия была крайне любопытна: любила докапываться до сути, что есть что, кто есть кто, как все устроено и за счет чего работает. Однако она как-никак жила в Лондоне, а здесь у каждого есть личное пространство, в которое не стоит соваться без повода. Так что Лия предпочла просто молча наблюдать за жизнью Пикок-Хауза из окна, гадая, что же там творится, и ожидая, когда раскроются тайны особняка. Она знала, что, так или иначе, в один прекрасный день на все ее вопросы найдутся ответы.

Пятнадцать лет назад

1 августа 1990 года

Дорогой Тоби!

Завтра утром мы с Джеммой уезжаем в Кейптаун. Мне жаль, что мы пропустим твою свадьбу, но уверен, ты меня поймешь.

Я оставлю тебе ключи – в качестве свадебного подарка вы с Карен получите дом. Питер купил его на аукционе. Я там не был, но Питер говорит, что особняк прекрасный. Ему, конечно, ремонт не помешает, но в целом здание очень надежное. И это тем более хорошо, ведь это еще и твое приданое. Я долго пробуду за границей, и, чтобы не было лишних вопросов, кто что получит, я решил подарить вам дом уже сейчас. Так будет гораздо проще и для вас с Карен, и для нас с Джеммой.

Недвижимость – это очень важно, Тоби. Теперь у тебя есть чем распоряжаться. На рынке сейчас бум, так что постарайся выжать из этого особняка максимум.

Есть только одна загвоздка – домовладелец. Но уверен, Питер сможет придумать, как его оттуда выкурить. На всякий случай телефон Питера приложу к письму.

Желаю вам с Карен хорошо провести свадьбу. На закате мы с Джеммой поднимем за вас бокал шампанского.

Вот и все. Думаю, мне осталось лишь пожелать тебе и твоей будущей жене удачи.

Шлю тебе привет,

Реджи / Папа

В августе 1990 года Реджи Доббс пришел к горькому выводу, что его время, деньги и сперма были израсходованы совершенно впустую. Речь шла о его единственном сыне. Реджи так и не смог простить своему маленькому слонопотаму того, как он изуродовал молодое и упругое тело своей матери, его первой жены. А гигант продолжал расти омерзительно быстро и в тринадцать уже был ростом в шесть футов три дюйма. Вот только могучим телосложением не отличался и был весь покрыт родимыми пятнами. К сожалению, Тоби унаследовал от матери, красавицы-модели, лишь модельный рост, но не внешность. И отца его крайне раздражало, что приходилось задира́ть шею, чтобы взглянуть своему «недоразумению» в глаза, и что, нависая над ним, Тоби походил на стервятника, который вот-вот набросится и сожрет его.

Когда их недотепа-сыну исполнилось пять, Реджи и Анджела отослали его в интернат, а сами попытались зачать второго ребенка. Но ничего не вышло. А потом внезапно Анджела и вовсе умерла, и Реджи одному пришлось воспитывать свое долговязое «недоразумение», которое с чего-то возомнило себя великим поэтом. Реджи тогда взорвался: «Ну какой из тебя поэт?! В этой дебильной шляпе ты больше на чайник похож!» Но и Тоби, при всей его некрасивости, ухитрился каким-то волшебным образом найти девушку, которая согласилась выйти за него замуж. Не красавицу, конечно же, но он и такую должен на руках носить.

Так как особой привязанности к сыну и его невесте Реджи не испытывал, но долг обязывал оставить им хоть что-то, он посоветовался со своим бухгалтером и решил, что его сын стоит 75 000 фунтов – по 3000 за каждый год его жизни. На эти деньги Реджи велел своему агенту по недвижимости купить для сына что-нибудь на аукционе.

А потом он и его третья жена сели в «Боинг-747» и отправились в Кейптаун, где их ждал еще один агент по недвижимости – с ключами от пентхауза с видом на Атлантический океан. Реджи не оставил Тоби ни адреса, ни номера телефона. Он просто исчез.

Иногда, особенно после того как у него появились новые дети, Реджи вспоминал о Тоби. Он гадал про себя, завели ли Тоби и Карен детей – был ли он уже дедушкой; думал, счастлив ли Тоби, зарабатывает ли на жизнь своей несчастной «поэзией» или все же взялся за ум. В последнем Реджи сильно сомневался. Но в основном он вообще не думал о Тоби. В основном он лишь пил водку, наедался до отвала, прятался от родственников и размышлял, когда же умрет.

2 сентября 1990

Дорогой Тоби,

У нас с тобой ничего не получится. Боюсь, что я представляла себе наш брак совершенно иначе. Мне виделось нечто большее, чем наше с тобой существование в огромном сыром доме с отвратительным старикашкой-привратником. Думаю, я просто поняла, что терпеть все это меня не заставит даже моя любовь к тебе. Мне казалось, что я справлюсь, но не вышло. Прости, что не поняла этого раньше, но, кажется, мне нужно было пережить что-то серьезное, вроде замужества, чтобы перестать смотреть на тебя сквозь розовые очки.

*Ты хороший, Тоби, но я достойна большего. Пожалуйста, не злись,
Карен.*

НУЖНА ОТДЕЛЬНАЯ КОМНАТА?

Поэт из Финчли, в распоряжении которого
неожиданно оказался целый огромный особняк
в викторианском стиле,
сдаст в аренду четыре помещения.
Кухня и ванная в доме общие.
Арендная плата обсуждается, но в пределах разумного.
Представители художественных профессий —
в приоритете.
Объясните в сопроводительном письме,
почему именно Вы, по Вашему мнению,
должны жить в моем особняке.

Ноябрь 1990

Дорогой Одинокый Поэт!

Меня зовут Руби Льюис, мне шестнадцать, и я певица. На прошлой неделе мама выставила меня из дома, потому что ее страшила-муж постоянно меня колотил – видимо, по ее мнению, виновата в этом была я. Пока что я остановилась у мужчины. Ему тридцать два, и он думает, что мне двадцать. Не то чтобы я его прямо уж сильно люблю, но он живет в Кэмдене, а это крутое место. В любом случае я бы очень хотела жить в Вашем доме, потому что это, должно быть, классный дом, и потому что Вы, должно быть, тоже очень классный, а еще потому, что большая аренда мне не по карману. Но когда-нибудь, когда я стану самой известной в мире певицей, я обязательно куплю Вам «Ламборджини». Пожалуйста, позвольте мне жить в Вашем доме. Вы не пожалеете.

*С любовью
Руби*

Апрель 2002

Дорогой сэр!

Меня зовут Джоанна Фиш, и я актриса. Мне тридцать один год, и в настоящее время я живу одна в Нью-Кроссе. У меня нет опыта в аренде комнаты, но Ваше объявление бросилось в глаза, потому что на данный момент я нахожусь в интересной и неожиданной фазе жизни – на перепутье. А Ваше объявление – словно неоновая вывеска мотеля на длинном и запутанном шоссе. Я знаю, Вам наверняка уже тысяча писем пришла от потенциальных жильцов, и мне нужно показать, чем же я Вам так интересна и необходима, чтобы из остальных девяносто девяти Вы отдали предпочтение мне. Так что я очень постараюсь.

Жизнь моя складывается крайне интересно. Я жила за границей и в разных уголках этой страны, в том числе в Лутоне (!) и на острове Мэн. Я сменила множество занятий, от самых престижных до самых нелепых. Так, однажды я целое лето проработала на фабрике, которая выпускала рекламные брелоки в виде насекомых – клеила глазки. А потом целое лето помогала учить роль известной актрисе, страдающей легкой формой амнезии. Не то чтобы я очень общительна, но мне нравится быть в компании других людей, и поэтому меня так привлекает возможность жить в Вашем доме. Я живу одна. В моей квартире слишком хорошая звукоизоляция и не слышны никакие посторонние шумы, так что мне иногда становится одиноко.

В данный момент я готовлюсь к роли в фильме, съемки которого начнутся в конце этого года. Роль небольшая, но одна из главных, и режиссер очень известный. К сожалению, я не имею права рассказывать о фильме, так как все засекречено. Но одно могу сказать точно: регулярной заработной платы у меня не будет до самого начала съемок (хотя, конечно, подрабатывать я буду), поэтому теперь для меня возможность платить арендную плату нерегулярно – как нельзя кстати.

Еще я опрятная, чистоплотная, надежная, вежливая и не курю. Так что с нетерпением жду Вашего ответа.

С уважением

искренне Ваша

Джоанна Элизабет Фиш

Февраль 2004

Уважаемый/ая Господин/Госпожа!

Признаюсь, обычно я не читаю «Private Eye», но тут увидел свежий выпуск в туалете на работе и решил полистать. И мне на глаза попалось Ваше объявление. Я не для себя стараюсь – мы с женой и детьми живем в собственном доме в Эно. А вот у моего друга и коллеги, Кона, с жильем проблемы.

Мы с Коном работаем в «Condé Nast». Он помощник в почтовом отделе, устроился сюда где-то год назад. Кон – хороший парень, не самый общительный, но на него можно положиться – за все время, что работает, он ни дня не пропустил, даже по болезни. Ему лет восемнадцать. Его мамаша сбежала в Турцию, бросив сына на произвол судьбы, и воспитывала Кона бабушка. Когда старушка умерла, внезапно снова объявилась мамаша, наобещала золотые горы, сняла роскошную квартиру, а через пару месяцев свалила снова. Бедный парень не смог себе позволить платить за такие дорогие апартаменты, и где-то неделю назад ему пришлось съехать. Некоторое время он жил у подружки, но и та его выставила.

Я не знаю, где бедняга Кон живет сейчас, но трудно не заметить, что выглядит он не больно-то хорошо. К тому же от него пахнет, ну, знаете, как от человека, которому негде помыться. Подозреваю, Кон почти не спит. Он, конечно, ищет варианты в газетах, просматривает объявления, но все предложения ему не по карману, во всяком случае, на этой работе столько он не зарабатывает. Я уже предлагал ему пожить у меня, но Кон слишком гордый, да и к тому же у нас все равно не нашлось бы для него места.

Знаю, в своем объявлении Вы пишете, что предпочтение отдаете представителям творческих профессий, а ремесло Кона далеко от творчества, но он так молод, у него впереди вся жизнь. Которую неосторожным движением так легко можно пустить под откос. Когда я был в его возрасте, я связался с дурной компанией – принимал запрещенные препараты, постоянно ввязывался в драки и всякое такое. Потом мне повезло – я встретил свою будущую жену Крисси, которая и показала мне, что я могу стать лучше. И знаете что? Она спасла меня.

Так, может быть, и Вы сможете спасти Кона?

Искренне надеюсь на Вашу доброту.

С уважением Найджел Кэдуолледер

Сентябрь 2004

Дорогой Тоби!

Я так рада, что встретила с Вами вчера вечером. И просто хотела еще раз Вас поблагодарить за то, что Вы сделали для моего Кона. Даже и думать страшно, что бы с ним было, не предложи Вы ему комнату. Вы очень хороший.

Я пишу Вам это письмо, потому что оказалась в довольно затруднительном положении. Вдаваться в детали не буду, но скажу, что я вскоре тоже окажусь на улице и без работы, если в ближайшее время не найду жилье. Кон сказал, что с радостью разрешил бы пожить в его комнате, но он считает, что я должна отправить Вам официальное уведомление, ведь Вы любите, чтобы все было как надо – и я с Вами полностью согласна. Вы ведь не будете возражать, если я поживу с Коном какое-то время? Обещаю исправно платить арендную плату. К тому же это всего на пару недель, пока я снова не освоюсь и не найду хорошую работу.

Сейчас, после того что случилось с ним после моего отъезда из страны, Кон нуждается во мне как никогда. Я так виновата перед ним, и мне необходимо загладить свою вину. Если Вы позволите мне провести с ним некоторое время в Вашем прекрасном особняке, я навеки Ваша должница.

С уважением

Мелинда Макналти

1

Единственным временем, когда Тоби чувствовал себя полноправным хозяином особняка, были ранние утренние часы, когда все еще спали. Тогда невозможна была даже мысль о повернувшемся в замке ключе, звуке шагов на лестнице, голосах, доносящихся из-за стены. Тогда ему казалось, что в этом доме только он один, в пижаме, насыпает в миску муку, просеивая через сито и постукивая по нему кулаком.

Каждое утро Тоби пек хлеб. Этот ритуал достался ему от Карен – когда они еще были вместе, она повторяла эту процедуру каждое утро. И даже в то утро, когда она ушла, едва встав с постели, Тоби тут же машинально начал возиться с ситом, отчаянно пытаясь воссоздать аромат своего неудавшегося брака. Получившийся хлеб он не ел, а просто оставлял на подносе – в качестве угощения для постояльцев.

В эту ночь Тоби почти не сомкнул глаз, так что к его обычному меланхолическому расположению прибавилась еще и неимоверная усталость. Прошли первые три дня нового года, и жизнь постепенно возвращалась в привычную колею. Тоби по-прежнему был заперт в этом огромном особняке, напоминающем фамильный склеп, и его по-прежнему окружали люди, которых он не знал и знать не хотел. Он все еще был женат на женщине, которая сбежала от него, когда ему было двадцать пять. Все его стихи по-прежнему не были опубликованы, а в карманах по-прежнему не было ни гроша.

Наверху, на столе в его комнате, пылилась куча нераспечатанных конвертов со счетами, которые он так и не оплатил. Рядом с кучей счетов высилась стопка писем от издателей и литературных агентов, отказавших ему в публикациях. А еще там было письмо от местного агента по недвижимости, который утверждал, что знает множество людей на той же улице, заинтересованных в доме Тоби, а также приложил список домов, которые якобы недавно продал за баснословные деньги. Тоби был, конечно, благодарен за подобные предложения, но они были для него совершенно неприемлемы: у него сейчас полно жильцов, явно не намеренных съезжать, да и у самого Тоби не было никакого желания заставлять их съехать.

Закончив с тестом, Тоби уложил его в форму, которую затем отправил в духовку. Он услышал, как в одной из комнат наверху прозвенел радиобудильник, и поспешил вернуться к себе в комнату, чтобы избежать случайной встречи с кем-нибудь из жильцов. Пока Тоби шел по дому, он смотрел по сторонам, и взгляд его выхватывал из окружающего пейзажа отдельные вещи. В гостиной ему бросились в глаза кроссовки Кона под журнальным столиком. В каждом из них, словно свернувшийся калачиком щенок, красовался носок. На подлокотнике софы застыл раскрытый журнал «Now», а рядом на полу стояла чашка давно остывшего чая. На кресле висел небрежно брошенный черный кружевной кардиган Руби. На журнальном столике красовалась оставленная ею же миска для хлопьев, а рядом застыла упаковка пудры для лица фирмы «Кларанс», которой пользовалась Джоанна. В утреннем полумраке гостиной сиротливо поблескивал разноцветный «дождик» на небольшой пластиковой рождественской елке. У двери застыли сапоги Руби на шпильке, один вертикально, а другой, как будто уснувший пьяница, завалился на первый. Тоби взял один сапог и с тоской уставился на него.

Таким был мир Тоби уже в течение многих лет. Мир чужих вещей, ритмов, драм, запахов и привычек. Дом жил своей жизнью, и Тоби в этой жизни играл далеко не главную роль. Настолько не главную, что его словно бы тут и не было. Иногда он задумывался: каково это – жить одному, когда, возвращаясь, застаешь вещи на том же месте, где оставил их перед уходом? Когда не нужно вынимать из раковины чью-то кастрюлю, чтобы налить себе воды? Когда тебя не будит по ночам чужой храп и никто за стеной громко не занимается любовью?

Каково это – видеть только внешнюю сторону жизни и не знать ничего о ее изнанке? Если бы Тоби мог так жить, стало бы ему легче? Стала бы его жизнь интереснее и насыщеннее?

Тоби преодолел два лестничных пролета, перескакивая через три ступеньки, и, войдя в свою комнату, тихо закрыл за собой дверь.

2

Из своего окна Руби наблюдала, как Кон уходит на работу. В своих кедах он передвигался слегка вприпрыжку, отчего казался совсем подростком. На его черных волосах посверкивал гель, а джинсы чуть-чуть не доставали до талии, но и не болтались ниже ягодиц. Кон был юношей весьма привлекательным – идеальный тон кожи, прекрасная фигура и восхиительные глаза цвета «индиго». Но Руби его привлекательным не находила. Ей вообще не нравились молодые люди. Она предпочитала мужчин постарше. Не совсем *стариков*, а, скорее, мужчин видавших виды, слегка потрепанных, словно старые книги. Так же, как люди, глядя на ребенка, часто пытаются представить себе, как он будет выглядеть, когда вырастет, Руби любила смотреть на зрелых мужчин и представлять, какими они были в молодости.

– Что ты там такое увидела? – раздался голос с другой стороны комнаты.

Руби повернулась и улыбнулась мужчине, лежавшему в ее постели. Его звали Пол Фокс. И это был ее потрепанный сорокапятилетний любовник.

– Ничего, – поддразнила она.

Руби присела на край кровати. Из-под одеяла выглядывала одна из ступней Пола. Руби кончиками указательного и большого пальца взяла большой палец его ноги, положила его себе в рот и прикусила.

– Ау! – вскрикнул Пол и отдернул ногу обратно под одеяло. – За что?

– Это, – сказала Руби, – за то, что ты игнорировал меня ночью.

– Что? – Брови Пола поползли вверх.

– Ты прекрасно знаешь, что! Пришла Элиза, и ты вдруг решил притвориться, что видишь меня первый раз в жизни.

– О господи, Руби! Мы же с ней встречаемся, – закатил глаза он.

– Знаю. Но по-прежнему не очень приятно, – ответила Руби.

В ее отношениях с Полом всегда была как деловая составляющая, так и чистый секс без обязательств. Она помогала ему с одной из сделок, пару раз в неделю они либо напивались вместе, либо проводили ночь в постели, либо и то и другое, и раз в месяц он выписывал ей чек на небольшую сумму, в шутку называя это «зарплатой»: только чтобы поддерживать ее интерес. Так у нее были деньги на карманные расходы. Пол мог себе это позволить и хотел, чтобы так оно и оставалось. Это была простая интрижка, от которой и он, и Руби получали удовольствие, и последние лет пять их обоих все устраивало. Больше она от Пола ничего и не ждала, но в то же время ей было немного жаль, что за все эти пять лет он так и не смог в нее влюбиться. А уж когда полгода назад Пол влюбился в сорокадвухлетнюю мамашу с двумя детьми из Ландбрук-Гроув, у которой было собственное дело и виноградник в Тоскане, Руби и вовсе сочла это предательством.

– Послушай, детка, – вздохнул Пол, усаживаясь в кровати. – Я понятия не имел, что ночью зайвится Элиза. Она сказала, что не смогла найти няню...

– Что, прости?

– Ну, то есть якобы она шла на концерт, и тут выяснилось, что ее няня не может посидеть с детьми, и...

– И вместо няни ты решил пригласить меня? – продолжила фразу Руби.

– Ну да.

– Очаровательно, черт тебя дери, просто очаровательно.

– Боже, Руби...

– Что «боже, Руби»? Как мне все это надоело.

– Руби, соберись уже, а?

– Нет, не соберусь. Ты и я. Мы были на равных. Мы значили друг для друга одинаково много. Но с тех пор как ты встретил эту Элизу, я становлюсь всего лишь чем-то вроде замазки, которая волочится за тобой и которой ты затыкаешь дыры в своей жизни.

– Ты сейчас *так* не права! – попытался оправдаться Пол.

– И не смей говорить со мной таким тоном. Как какой-то американский подросток. Тебе сорок пять. Это просто *смешно*.

Руби поморщилась, почувствовав, как с губ сорвались такие слова. Да, она сейчас была отъявленной стервозиной, но поделаться с собой ничего не могла.

Она оглядела себя в зеркале. Руби уже давно создала свой образ – томная брюнетка с темными глазами и идеальной кожей, которая всегда выглядит так, словно только что занималась любовью или подумывает о том, чтобы ею заняться. Обычно такую версию себя Руби и видела в зеркале. Но иногда она куда-то пропадала. И сейчас как раз был один из таких моментов. Макияж на глазах Руби поплыл – иногда это добавляло ей ауру «женщины-вамп», но сейчас ее глаза скорее выдавали усталость и замешательство. Копна роскошных волос утратила свое сияние – голову нужно было вымыть еще вчера, но Руби было лень. И в довершение ко всему на подбородке было огромное грязное пятно. Она задумалась, как по утрам выглядит эта его Элиза, но тут же поняла, что это неважно: как бы плохо она ни выглядела, Пол ее любил, и для него она, очевидно, всегда была первой красавицей.

В дверь постучали. Руби с облегчением вздохнула и посылнее затянула пояс на халате.

– Руби, открой. Это я, Тоби, – раздался голос из коридора.

Она вздохнула и открыла дверь.

– Привет. Прости за беспокойство, я просто, э-э... О, привет, Пол.

Тоби посмотрел через плечо и натужно улыбнулся Полу.

Пол махнул рукой и ответил ему не менее жалким подобием улыбки. Среди всех этих подушек с вышитыми марабу и покрывал а-ля леопардовая шкура Пол с его большой волосяной грудью и копной седых волос выглядел совершенно нелепо. Глупо. Так, как будто ему здесь было совсем не место. Руби вдруг поняла, и это открытие ее ошеломило, – Пол выглядит так, как выглядел бы любой другой красивый мужчина, затеявший ни к чему не обязывающую интрижку. Руби судорожно сглотнула.

– Так вот, я пришел спросить про арендную плату. Просто интересно, может быть, ты могла бы наконец заплатить мне сегодня? Дело в том, что мне пришла куча счетов, и, если я не оплачу их до конца недели, у нас... эм-м... скорее всего, отключат горячую воду. Или отопление. Вот и все.

– Хорошо, – вздохнула Руби. – Отлично. Я выпишу вам чек сегодня вечером.

– Ну, вообще-то, ты уже говорила это на прошлой неделе, но чека я так и не получил. Ты не платишь аренду с конца ноября, и даже тогда ты заплатила не полную сумму, и... – начал Тоби.

– Тоби, я выпишу вам чек. Сегодня вечером. Устроит? – прервала его Руби.

– Да. Устроит. Обещаешь? – с надеждой во взгляде спросил домовладелец.

– Обещаю, – улыбнулась Руби.

– Хорошо. Что ж, тогда увидимся. Пока, Пол. – Тоби поспешил убраться из ее комнаты.

– Пока, Тоби.

Руби закрыла дверь, повернулась и улыбнулась Полу. Тот откинул одеяло и призывно улыбнулся ей в ответ.

– Извини, приятель, в другой раз, – ответила она, накинув одеяло на обнаженного Пола, и взяла с туалетного столика резинку для волос. Стянув волосы в тугий хвостик, Руби завязала их резинкой и произнесла: – Я не в настроении.

Пол окинул ее обиженным взглядом:

– Даже по-быстрому?

– Да, даже по-быстрому, – подмигнула ему Руби, пытаясь смягчить свой отказ. Ей и правда не хотелось устраивать скандал. Она знала, что рано или поздно им придется расставить в своих отношениях все точки, но только не прямо сейчас. Сейчас она просто хотела пойти в душ. Сейчас она просто хотела смыть с себя всю грязь.

3

Кон вытащил из конверта глянцевый буклет и нетерпеливо щелкнул по нему пальцами, пару секунд разглядывая картинки, одну за другой. Голубые небеса, пальмы, восхитительные пляжи. Вот только это был не туристический рекламный буклет, а брошюра летной школы «Right Path» в Дурбане, Южная Африка. Кон с восторгом поглядел на изображения мужчин с аккуратными стрижками, в кипенно-белых рубашках, с эполетами, сидящих за штурвалом в кабине пилота в окружении множества реле, кнопок и светящихся индикаторов. А потом, пока никто не спросил, что за книжечку он разглядывает, Кон быстро убрал брошюру обратно в конверт и отправился на восьмой этаж.

Отдел моды Vogue внешне напоминал вполне обычный офис: столы с компьютерами и принтерами, сбоку от которых стояли корзины для мусора, подвесной потолок с люминесцентными лампами, звон телефонов и треск факсов. С виду помещение выглядело непримечательно, но на самом деле все было не так просто.

С одной стороны, Кон обожал те дни, когда ему нужно было разносить почту по отделу моды Vogue. С другой – он их страшно боялся. Да, он любил смотреть на девушек, которые там работали, – длинноногих и стройных, как дым от дамских сигарет, с идеальной кожей, затянутых в официальные костюмы. Ему нравилось наблюдать за тем, как они сидят на своих местах, скрестив восхитительные ноги, словно виноградные лозы, и постукивая тонкими пальцами по клавиатуре. Кону нравились их остроносые туфли без каблука и необычные аксессуары: шарфы, кольца, крошечные кардиганы – девушки, с которыми он общался, никогда так не одевались. А еще он обожал слушать, как они говорят – хриплыми от «Marlboro Light» голосами, превращая обычные слова в диковинные выражения. Эти девушки, казалось, ему только снились – наполовину реальные, наполовину призрачные, словно неживые. Он был ими очарован. И в то же время ненавидел их. Его раздражало, что они живут в мире, ему неподвластном. Кону не нравилось, что каждый раз, когда он приходил к ним в отдел, он и его тележка оставались для этих девушек, даже для самых некрасивых, совершенно незамеченными. Они молча отдавали ему свои пакеты и посылки, задавали глупые вопросы о стоимости и сроках, но никогда не говорили с ним ни о чем, кроме дела.

В своем мире, за позолоченными воротами здания «Condé Nast», Кон был юношей хоть куда. Каждую пятницу вечером он отправлялся в паб с компанией друзей, и девушки, красивые девушки, толпой увивались за ним, пожирали его глазами, всеми силами стараясь обратить на себя его внимание. Здесь же он был просто парнем из почтового отдела.

В данный момент к Кону приблизилась одна из «привидений», сжимая в руке большую белую сумку «Jiffy». Роскошная копна волос цвета рисовой бумаги и светлая матовая кожа. Замшевый жилет, расшитый бахромой, под которым красуется серый кружевной топ. Холодного голубого оттенка глаза. Кон никогда раньше не видел эту девушку.

– Эмм... – заговорила она, подавая ему посылку. – Сделайте у себя пометку. Вы ведь сможете доставить до пятницы?

Кон взял пакет из ее рук и осмотрел его. Адресат, судя по всему, проживал в южной части Лондона.

– Да, – сказал Кон. – Думаю, сможем.

– Отлично, – ответила девушка. А потом зачем-то улыбнулась. Причем не одной из тех формальных улыбок, которые ей подобные используют исключительно для вежливости, а улыбкой настоящей, искренней и лучезарной.

– Спасибо, – сказала она, не переставая улыбаться, – Извините... как вас зовут?

Кон почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Поколебавшись мгновение, словно не зная, что ей ответить, он наконец произнес:

– Коннор. Кон.

– Кон, – повторила девушка, слегка склонив голову. – А я – Дейзи.

Дейзи, подумал Кон. Идеальное имя. Полностью отражает ее внешность. Неброский, простой цветок, небольшого размера и хорошо сложенный.

– Замечательно, – сказал он вслух, чувствуя, как неловкость постепенно уходит.

– Спасибо вам, – снова улыбнулась Дейзи. Зубы у нее были не очень ровные, но ослепительно белые. – Моих сестер зовут Мимоза и Камелия. Наверное, ребенком я была совсем не такой эффектной, как они.

Кон рассмеялся. И увидел, как одна из девушек, сидящая рядом за столом, подняла глаза. На ее лице отразилось недоумение, и она тут же опустила глаза.

Дейзи произнесла:

– Я сегодня работаю первый день. Отвечаю за письма и всякое такое, так что, наверное, буду приставать к вам с дурацкими вопросами.

Кон покачал головой.

– Ничего, все в порядке, – ответил он.

– Хорошо, – сказала Дейзи. И вернулась к своему столу.

Кон положил сумочку с надписью «Jiffy» в свою тележку и повез ее к двери в конце помещения. Когда он проходил мимо стола, за которым сидела Дейзи, та посмотрела на него и, хихикнув, беззвучно произнесла: «До свидания». И махнула рукой. Кон махнул в ответ, и его сердце забилось сильнее, выскакивая из груди.

Когда дверь за ним закрылась и он очутился в коридоре, Кон наконец смог выдохнуть и в изнеможении прислонился к стене. Он попытался понять, что только что произошло, прислушиваясь к сумбурным импульсам в голове и сердце, но те несли сплошную околесицу. В душе Кона было чувство, что минуту назад случилось нечто очень важное, словно он оказался на перепутье своей жизни, которая вдруг обернулась к нему новыми, неизведанными гранями. И все это лишь потому, что ему улыбнулась красивая девушка по имени Дейзи.

Услышав, как подъехал лифт, Кон тут же выпрямился и быстро зашагал в сторону следующего отдела.

4

Ночью шел снег, и, когда утром Лия вышла из дома, Сильверсмит-Роуд была покрыта корочкой льда. Поэтому, увидев, что Тощий Старик лицом вниз лежит на асфальте, раскинув руки в стороны, словно ребенок, делающий «ангела» в снегу, Лия тут же подумала, что он просто поскользнулся и упал.

Тощий Старик почти каждое утро выходил из дома, и Лия часто видела его из окна. Каждый раз набор его действий был примерно одинаковым. В восемь утра старик открывал входную дверь. Затем ему требовалось примерно три минуты, чтобы спуститься с крыльца, опираясь на кривоватую трость красного дерева. Потом он останавливался на некоторое время, положив руку на голову гипсового льва. После этого он вынимал из кармана своего серого твидового пальто (которое носил все четыре времени года) белый платок и энергично тер свой нос. Насморк у старикана был в любую погоду. Потом он складывал свой огромный платок в аккуратный треугольник, прятал его в карман пальто и начинал традиционный осмотр тротуара вокруг особняка. Старик подбирал весь мусор, который тут же оказывался в мусорном баке. Несколькими ударами трости он утрамбовывал мусор и продолжал обход.

– Эй, – произнесла Лия, осторожно переступая ногами на скользком тротуаре. – Привет. Вы в порядке?

Но Тощий Старик не отвечал. Тогда Лия наклонилась и крикнула ему прямо в ухо:

– Вы в порядке? Вам помочь?

Старик лежал неподвижно, и Лия начала подозревать, что случилось что-то нехорошее. Она взяла его за руку, параллельно ощупывая его в области ребер, и попыталась найти пульс. Подушечки ее пальцев наткнулись на что-то, словно автомобиль, который проезжает через «лежачего полицейского». Лия не поняла – сгусток ли это крови в артерии или какой-то подкожный фурункул. Она отпустила его руку и посмотрела в сторону особняка.

Встав с колен, Лия громко заявила:

– Я позову кого-нибудь. Сейчас вернусь.

Она поспешила к Пикок-Хаузу и громко постучала в двери. И тут же увидела сквозь витражное стекло входной двери силуэт высокого мужчины, а затем он объявился перед ней – Тощий Парень, с его бакенбардами и отросшими волосами и пытливым взглядом, в котором едва заметно читалось удивление.

– В чем дело? – произнес он.

– Э-э, старик, – начала Лия. – Вон там.

Она указала рукой в сторону лежащего на асфальте пожилого мужчины.

– Мне кажется, он умер, – еле слышно добавила она.

– О боже, – произнес мужчина и посмотрел на старика, – черт подери. Позвольте мне... Боже мой. Сейчас, только на ноги что-нибудь надену.

Он оглядел свои непропорционально длинные тощие ноги и сказал:

– Подождите. Секундочку. Никуда не уходите.

Он уже собрался было бежать, но снова развернулся к Лие:

– Вы уже вызвали «Скорую»?

– Нет, – покачала головой Лия.

– Правильно. Может быть, так и нужно. Мне кажется. Правильно. Да, так вот, обувь. Я мигом.

Когда он вернулся, Лия уже вовсе пыталась объяснить, что случилось с пожилым мужчиной. К счастью, трубку в «Скорой помощи» сняли очень быстро – женщина с северным акцентом на том конце провода почти вернула Лие веру в медиков. Тощий парень вышел на тротуар.

– Да он просто лежит ничком, – говорила Лия в трубку. – Не могу понять, дышит он или нет.

Она взглянула на Тощего, тот склонился над стариком, приложив ухо к его рту. Тощий пожал плечами.

– Нет, – продолжила Лия. – Непонятно. Он очень пожилой.

– Девяносто семь лет, – сказал Тощий, поднимая запястье старика и пытаясь нащупать пульс. – Ему девяносто семь.

– Господи, – сказала Лия. – Ему девяносто семь.

Спустя полчаса приехали врачи и констатировали, что старик по имени Гус Велдтман скончался. Тело его отправили в больницу Барнет, где вскоре выяснили причину смерти – обширный инфаркт. Лия и Тощий еще долго стояли вместе на тротуаре и смотрели вслед удаляющейся карете «Скорой помощи». На них напало какое-то немое отупение. В полнейшей тишине – надобности не было ни в мигалке, ни в сирене – автомобиль с телом Гуса медленно ехал к Хай-Роуд. Никто никуда не спешил. Потому что спешить на помощь было уже не к кому.

– Ну, – взглянув на часы, сказала Лия. – Думаю, мне пора.

– На работу, наверное? – склонил голову Тоби.

– Да, – кивнула она. – У меня свой магазинчик на Бродвее.

– О, в самом деле? – сказал он. – Что за магазин?

– Сувенирная лавка, – улыбнулась Лия. – Очень *розовая* сувенирная лавка.

– Понимаю, – кивнул Тоби. – Понимаю.

– Так. Я могу для вас еще что-нибудь сделать? – совершенно безнадежным тоном произнесла Лия.

– Нет. – Тоби провел тыльной стороной ладони по лицу. – Полагаю, что нет. Ведь так? Я позвоню его родственникам. Думаю, с остальным они справятся сами. Главное – рассказать им.

Он пожал плечами и засунул руки в карманы. А потом сказал:

– Но все равно спасибо вам... Извините, *как* вас зовут?

– Лия.

– Ну да, конечно, Лия, – кивнул он. – А меня зовут Тоби – так, между прочим.

И протянул Лие свою лапищу размером с бейсбольную перчатку.

– Тоби, – повторила она, пожимая его руку и думая, что из всех имен, которыми она мысленно называла Тощего, не было ничего даже близко похожего на Тоби.

– Забавно, – произнесла Лия. – Я живу в доме напротив уже почти три года, а заговорила с вами только тогда, когда кто-то умер.

Она нервно дернула плечами.

– Вот каково это – жить в Лондоне.

Тоби кивнул.

– Так кем же он вам приходился? Гус, я имею в виду. Я всегда думала, может быть, дедушкой?

У Тоби вырвался нервный смешок.

– Вы думали, Гус – мой дедушка?

– Да. Но по тому, как вы отреагировали на... – она указала на место на тротуаре, где лежал старик, – я делаю вывод, что ошиблась.

– Нет. Гус не был моим дедушкой. Гус был домоправителем.

– Ах, – сказала Лия. – Тогда понятно. Так это что, ваш дом?

– Да. – Тоби кивнул. – Это мой дом.

– А другие люди, которые живут здесь, они?..

– Мои жильцы.

Судя по тону, этот разговор уже начинал раздражать Тоби.

– Прошу прощения, – сказала Лия. – Вам, наверное, сейчас меньше всего нужны мои вопросы. Я просто... я такая любопытная. Я уже несколько лет наблюдаю за вашим домом, и мне так интересно, кто вы все и как познакомились... ну и всякое такое прочее. А теперь я вас отпущу и больше не стану приставать с расспросами. И если вам что-нибудь будет нужно, вы знаете, где я живу. Только скажите.

Тоби улыбнулся:

– Спасибо. Непременно. И... Лия!

– Да?

– Огромное вам спасибо.

– За что?

– За то, что вы есть. Спасибо.

Он повернулся и поднялся по ступенькам, ведущим в его огромный причудливый особняк. Лия тоже развернулась и направилась к автобусной остановке. Оглядываясь назад, на тот холодный тротуар, где старик Гус сделал свой последний вдох, она мельком, через переднюю дверь заглянула внутрь Пикок-Хауза. И увидела, как из одной комнаты в другую, словно тень, проскользнул темный силуэт. Дверь захлопнулась, дав Лие сигнал, что пора прекращать это задумчивое настроение. Пора было идти на работу.

5

Тоби распахнул дверь в комнату Гуса. До сегодняшнего дня он бывал в комнате старика лишь дважды: один раз, чтобы убедиться, что Гус жив, когда тот не явился к завтраку (оказалось, что Гус споткнулся и вывихнул лодыжку), а второй – когда однажды вечером тот не вышел к ужину (пожилой домоправитель перепутал лекарство от головной боли со снотворным и так и уснул, как был, в пальто и сапогах).

Вместо обоев стены были оклеены на редкость уродливым покрытием из короткого ворса в бордовую и кремовую полосы. Безвкусные картины маслом смотрелись в тусклом свете латунных светильников совсем жутко. Довершали обстановку шторы из голубого ситца в цветочек, с оборками, ковер из грубой шерсти, который когда-то был ярко-розового цвета, да медная люстра, свисавшая с того места, где на потолке красовался розовый бутон. Из всех лампочек горела в ней лишь одна. В центре комнаты стояла двуспальная кровать, просевшая, словно гамак, накрытая бордовой простыней и парой шерстяных одеял. Веяло от комнаты, однако, не старостью или одиночеством, как можно было предположить, а солодовым молоком и застарелым кошачьим запахом.

И если молочный запах можно объяснить тем, что каждый день Гус съедал целую пачку печенья, то почему здесь пахнет котом, Тоби понять решительно не мог.

Тоби подошел к столу, который стоял рядом с окном – оно выходило на задний двор и покрытый гудроном скат крыши над ванной комнатой, располагавшейся этажом ниже. На столе стояла пишущая машинка старого образца. Тоби не мог вспомнить, когда в последний раз видел такую. У стола высились стопки книг и документов, а в стеклянном ящике на столе – целая коллекция старинных табакерок. Рядом с печатной машинкой лежала старая рукопись – судя по внешнему виду, ей было очень много лет, и она вся была испещрена чернильными и карандашными пометками. В углу виднелся платяной шкаф в стиле 20-х годов прошлого века, в котором висели тяжеленные вешалки, звякнувшие, словно колокольчики, когда Тоби дотронулся до сложенной на одной из них пары брюк.

А еще на дне гардероба стоял красный пластиковый кошачий лоток. Среди серых гранул наполнителя виднелась свежая «кучка». В другом углу шкафа стояло зеленое блюдо с непонятного вида коричневыми гранулами, небольшая миска с водой и огромный мешок кошачьего корма.

– Что ты делаешь? – раздался вдруг голос.

Тоби вскочил и схватился за сердце:

– Черт возьми, как ты меня напугала!

Это была Руби. Она ела банан.

– Прости. Я думала, ты слышал, как я вошла.

– Посмотри, – ответил Тоби, указывая на шкаф. Руби подошла и заглянула через плечо Тоби.

– Что?! – поморщилась она.

– Вот именно. И оно свежее. Ты знала, что у Гуса был кот? – спросил Тоби.

Руби пожала плечами:

– Нет. И где он?

Оба одновременно оглядели комнату. Руби доела банан и небрежным движением бросила кожуру в мусорное ведро Гуса. Тоби это заметил и про себя подумал, что это еще один довод в пользу того, чтобы перестать ее любить. Теперь у него было от тридцати до сорока причин больше не любить Руби Льюис.

Во-первых, она переспала с более чем пятьюдесятью партнерами. Среди которых была как минимум одна женщина.

Во-вторых, она постоянно оставляла в ванной комнате обрезки своих ногтей, ватные палочки и шарики с остатками макияжа. И называла своих подруг «дорогуша» и «сладкая».

В-третьих, Руби всегда поздно возвращалась и громко хлопала дверью, хотя Тоби уже раз двести просил ее больше так не делать.

В-четвертых, Руби слишком много ругалась и слишком много курила.

В-пятых, никогда не передавала другим жильцам, что им звонили.

И часто задерживала плату за аренду.

В-шестых, Руби была жуткой эгоисткой.

В-седьмых, верила в Бога (но только тогда, когда ей это было выгодно).

В-восьмых, Руби прозвала Тоби «Тобз».

В-девярых, она постоянно и со всеми заигрывала.

В-десятых, у нее было некрасивое желтое пятно на одном из передних зубов.

В-одиннадцатых, Руби читала журналы с восклицательными знаками в названиях и вечно приставала к Тоби с пересказом светских сплетен о «знаменитостях», о которых он до этого ни разу даже не слышал.

В-двенадцатых, Руби стирала белье лишь раз в месяц, а потом сушила весь свой гардероб везде, где только можно, и Тоби приходилось смотреть на ее (на редкость уродливые) трусики, сидя за столом в гостиной.

В-тринадцатых, она считала классическую музыку скучной.

В-четырнадцатых, Руби считала скучной классическую литературу.

В-пятнадцатых, скучной она находила и радиостанцию номер четыре.

В-шестнадцатых, ей было скучно сидеть дома.

И, наконец, что, в общем-то, было не так уж далеко от истины – скучным Руби считала и самого Тоби.

Она все время повторяла ему: «О боже, Тобз, ты такой скучный», каждый раз, как только тот хотел обсудить что-то серьезное, важное или касающееся особняка.

Руби смеялась над его одеждой и прической и иногда хватала Тоби за задницу, сквозь джинсы, издеваясь над его плоскими ягодичками.

По сути, Руби была во многих отношениях просто невыносимой. Ужасная девушка. Но такая красивая и настолько потрясающе талантливая, что аж дух захватывало.

– Может, под кроватью? – предположила Руби.

– Что? – Ее вопрос вывел Тоби из задумчивого оцепенения.

– Ну, в смысле, может быть, кот прячется там.

– Ой. Правильно. Да, – промямлил он.

Руби вдруг опустила на четвереньки, встав в соблазнительную позу, которая напомнила Тоби те картинки, что он вчера вечером разглядывал в Интернете. Он блудливым глазом покосился на ее превосходный зад, затянутый в джинсы, который раскачивался, словно луч от фонарика в темной комнате.

– Надо же, просто удивительно, – сказала Руби.

– Что? – не понял Тоби.

– Привет, – прошептала Руби под кровать. – Не бойся, мы тебя не обидим.

Тоби пересилил себя и, перестав наконец разглядывать задницу Руби, тоже встал на четвереньки рядом с ней.

– Смотри, – указала Руби в угол. – Вон там.

Тоби моргнул и встретился взглядом с парой сверкающих глаз.

– Вау.

Наконец у них получилось подозвать кота к себе – для этого пришлось долго трясти у него перед носом миской с едой и делать множество странных движений.

– Я первый раз вижу такого маленького кота, – сказала Руби, глядя, как кот медленно уплетает корм из миски.

Котом его назвать было сложно – скорее, странная пародия на кота: гигантская голова на маленьком тельце, покрытом черной шерстью. Кот выглядел настолько потрепанным, что казался старше Гуса. Тоби инстинктивно потянулся, чтобы погладить кота, но залысины и торчащие кости его отпугнули.

– Надо же, все эти годы Гус держал здесь кота, а мы даже не знали. Просто в голове не укладывается, – сказала Руби. – Почему он никому не сказал?

– Кто его знает, – ответил Тоби. – Может быть, прежний хозяин запрещал держать в доме животных. А может, он думал, что я окажусь не в восторге.

– Он какой-то грустный, не находишь? Какой-то недоросток прямо.

– Выглядит ужасно, – буркнул Тоби и покачал головой.

– Но ведь, с какой-то точки зрения, этот котяра даже мил, тебе не кажется? – улыбнулась Руби.

– На самом деле, нет.

Тоби встал и размял ноги.

– Что, черт возьми, нам теперь с ним делать?

– Мне он не нужен, – с плохо скрываемым отвращением сказала Руби.

– И мне.

– Надо от него избавиться.

– Усыпить, что ли? – не понял Тоби.

– Нет! – Руби посмотрела на него с ужасом. – Надо пристроить его в приют. Или что-то в этом духе.

– О боже, – вздохнул Тоби. К списку его забот после смерти Гуса добавился еще один пункт. Утром Тоби целый час провисел на телефоне, пытаясь связаться с внучатой племянницей старика – судя по всему, она далеко не единственный раз переезжала с тех пор, как они с Гусом виделись в последний раз. Неожиданно для самого себя Тоби предложил организовать поминки после похорон Гуса и уже понял, что это плохая идея. К тому же нужно было найти нового жильца в комнату Гуса, в которой наверняка придется делать косметический ремонт – вряд ли кто-нибудь младше шестидесяти позарится на ту атмосферу великосветского пансионата времен 70-х годов, которую создал старик. А теперь ко всем хлопотам добавился еще и этот странный котяра, которого Гус прятал в своей комнате лет пятнадцать, не меньше.

Руби встала на ноги и побрела к комоду.

– Интересно, что он тут прячет? – сказала она, лениво выдвигая один из ящиков.

– Руби! – назидательным тоном произнес Тоби. – Нельзя ковыряться в его вещах.

– Почему нельзя? Он же все равно ничего не скажет. Бог мой! Вот это да – только посмотри!

Руби обернулась – в руке у нее был кусок ярко-оранжевой ткани в «турецкий огурец».

– Что это? – спросил Тоби.

– Брюки Гуса! – сияя, ответила Руби, – Таких ведь сейчас нигде не купишь!

Она подняла брюки и внимательно осмотрела на свету.

Тоби снова оглядел комнату. И его сердце екнуло.

– Я не могу поверить, что его больше нет.

– И я.

Руби вернула брюки на место и закрыла ящик...

– Девяносто семь, – вздохнул Тоби. – И все эти девяносто семь лет жизни ушли в могилу вместе с ним. Все эти переживания и эмоции. Люди, которых он любил, места, которые он видел, – все кануло в Лету.

Он щелкнул пальцами и склонил голову.

– Жаль, что мы так мало говорили. Мне нужно было слушать его рассказы и таким образом сохранить память о нем.

– О, не будь таким сентиментальным! – Руби ткнула его в ногу носком ботинка. – Гус был всего лишь несчастным старпером. И ни с кем он не собирался делиться своими историями. Я все время пыталась с ним поговорить. Безрезультатно. Кстати, я знаю, что тебе сейчас нужно – выпить.

– Но ведь еще даже не время пить чай.

– Да. Но к тому времени, как я все приготовлю, будет пора. И, кроме того, на улице совсем темно. Так что представим себе, что вокруг ночь. Что тебе принести – ром с кока-колой? Джин с тоником? Или, может, чего покрепче? Шнапс, например? У меня осталась бутылочка.

Тоби посмотрел на Руби, и на его лице отразилось неодобрение. Но он решил не сопротивляться. Нет, он не станет играть в старого зануду. Только не сегодня.

– Бокал красного вина был бы очень кстати, – сказал Тоби и слегка улыбнулся, отчего выражение его лица смягчилось.

– Хороший мальчик, – просияла Руби.

Она вышла из комнаты, а Тоби смотрел вслед Руби Льюис. Той, что была любовью всей его жизни.

Где-то внизу хлопнула дверь, кот бросился под кровать, а Тоби поднялся на ноги. Он подошел к окну и посмотрел на крыши. Снег на земле растаял, но верхушки деревьев и крыши были покрыты ковром из снежинок, словно глазурью. Завтра утром, однако, не будет уже и этого снега – он превратится в воду и утечет по сточным канавам, а вместе с собой унесет и воспоминания об очередном дне заснеженного января. Снегопад в Лондоне олицетворял саму жизнь: сегодня ты здесь, а завтра тебя уже нет. Только какой же тогда во всем этом смысл?

В дверях появилась Руби с бутылкой игристого вина и двумя бокалами на длинных ножках.

– Нашла это в холодильнике, – сказала она. – Думаю, мы только что обокрали Мелинду.

– Вот шуму-то будет, – хихикнул Тоби.

– Да, – подмигнула Руби. – Знаю. Но, по-моему, ничего более подходящего к нашему случаю просто не найти.

Она выдернула пробку и налила вино.

– За Гуса, – сказала Руби, подняв свой бокал. – Хоть он и был старым ублюдком, надо отдать ему должное: он никогда не забывал опустить стульчак и был редкостным чистюлей.

– За Гуса, – произнес Тоби. – И за будущее. Пусть оно будет таким же чистым, как его чертово нижнее белье.

6

Ночью Лия не могла заснуть дольше обычного. В ее голове крутился вихрь мыслей – о Гусе, Тоби, павлинах и холодном тротуаре. Каково это – умереть среди людей, для которых ты совершенно чужой? Умереть совсем одному, без семьи? Лия подумала про саму себя – если бы ей предстояло умереть в девяносто семь, у нее к этому моменту не осталось бы вообще никаких родственников, даже внучатых племянников. Брат Лии, Доминик, был геем – окончательно и бесповоротно, так что с его стороны о наследниках и думать не приходилось. Получается, если она доживет до такого преклонного возраста, у нее не будет даже родных племянников. И она останется совсем одна.

Она взглянул на спящего рядом Амитабха. Тот, как обычно, откинул одеяло и тихо посапывал во сне. Лия легла на бок, чтобы лучше его рассмотреть. Она пробежала взглядом по контуру носа и лба. И дотронулась ладонью до его густой шевелюры. А потом, будучи не в силах сопротивляться нахлынувшему порыву, наклонилась к Амитабху и поцеловала его в щеку.

– Боже! – подскочил он. – Что! Что это?!

– Ничего, – сказала Лия, отпрыгнув от него. – Ничего. Просто захотелось поцеловать тебя, вот и все.

– С чего это вдруг?

– Потому что... Не знаю. Просто захотелось.

– Боже, Лия, два часа ночи. Почему тебе не спится?

Она пожала плечами:

– Не могу заснуть. Все думаю об этом старичке. Гусе. Никак не могу перестать думать о нем.

– О боже. – Амитабх вздохнул и снова набросил на себя одеяло.

– Как у тебя получается, скажи? – продолжала Лия. – То есть я имею в виду, ты же видишь такую картину каждый день. Видишь умирающих в одиночестве стариков. Разве это не... ну... не шокирует тебя?

Амитабх работал медбратом в больнице для пожилых людей. И, конечно, по долгу службы сталкивался с подобными вещами.

– Лия, прекрати. Не сейчас. Пожалуйста.

– Ты только скажи мне: лучше, когда умираешь один или нет? Совсем грустно, когда вокруг куча родственников и знакомых, или куда страшнее, если у твоего смертного одра никого? – не отставала Лия.

– Давай обсудим это утром, а? – Амитабх взял ее за руку, слегка сжав запястье.

– Я не хочу умереть в полном одиночестве, – сказала Лия. – Правда не хочу.

– И правильно. Ты хорошая. Ты не умрешь в полном одиночестве, – попытался он утешить ее.

– Да, но разве то, что я хорошая, может гарантировать мне мужа и детей, и друзей-долгожителей?

– Во всяком случае, это облегчает тебе жизнь, – сказал он.

– Хм.

Лия опустила на кровать и натянула одеяло повыше. Секунд за десять дыхание Амитабха стало более размеренным. Еще мгновение спустя он уже крепко спал. Лия снова посмотрела на него и вдруг поняла, что должна сделать. Это было очевидно. Она никогда не чувствовала себя увереннее.

– Ам. Амитабх. – Лия легонько потрясла парня за плечо. – Ам.

– Боже мой! Ну что опять? – Амитабх перевернулся и с укоризной уставился на нее.

– Я люблю тебя.

Его брови поползли вверх.

– То есть я действительно люблю тебя. И я хочу всегда быть с тобой. Пока не умру. Я хочу стать твоей женой, – тихо сказала Лия.

– Что?! – Глаза Амиабха округлились от удивления.

– Я хочу стать твоей женой, – повторила Лия.

– Нет, не хочешь.

– Да. Хочу. Ты женишься на мне?

– Боже мой. Ты что, серьезно?

– Ага.

– Ох. – Лицо Амиабха смягчилось. – Лия. Сейчас ночь. Я не могу...

– Все нормально, – сказала она, смахнув прядь волос с его лба. – Тебе не нужно отвечать сию секунду. Спи. Подумаешь об этом во сне.

– Скажи, это из-за того старикашки? Это его смерть так на тебя действует? – спросил Амиабх.

– Нет, – ответила Лия. – Правда. Нет, просто его смерть стала для меня поводом задуматься. О том, что важно. О том, что я хочу. А я хочу быть с тобой. Всегда.

– Давай поговорим об этом утром, – сказал Амиабх.

– Да, – ответила Лия. – Давай.

7

Адвоката – мужчину в сером костюме и галстуке бутылочного цвета – звали Уоллес Битон. Сейчас он восседал за рабочим столом размером с целый банкетный зал и перебирал в своих длинных пальцах документы.

– Согласно последней воле господина Велдтмана, вы являетесь единственным наследником его состояния, – произнес Битон, перелистывая страницы.

– Состояния? – не понял Тоби.

– Да. Господин Велдтман завещал вам все свои личные вещи. Которые, я полагаю, находятся на территории здания, принадлежащего вам.

Тоби сглотнул и с грустью подумал об уродливой мебели и коллекции табакерок в комнате Гуса.

– Да. Все верно, – ответил он.

– Также на вас ложится обязанность ухаживать за котом господина Велдтмана.

– Ох. В самом деле? – поморщился Тоби.

– Да. В его завещании четко оговорено, что вы должны заботиться о животном, пока оно не умрет. Или пока не умрете вы, – бесстрастно отчеканил адвокат.

Тоби снова сглотнул:

– А что будет, если умру я?

– В таком случае кот достанется внучатой племяннице господина Велдтмана, которая живет в Гернси. Так. Пункт следующий.

Битон вытащил еще пачку бумаги и, откашлявшись, начал:

– Господин Велдтман... э-э... является автором одного романа.

– Неужели? – изумился Тоби.

– Да. Роман был впервые издан в Голландии в 1930 году и с тех пор двенадцать раз переиздавался. У господина Велдтмана есть счет в Гааге, на который поступают авторские отчисления. Согласно его воле, все его литературное наследие достается вам, как и банковский счет.

– Неужели? – улыбнулся Тоби.

– Да. Но, чтобы у вас сразу было правильное представление о ситуации, авторские отчисления господина Велдтмана за последние полгода составили всего лишь пять евро двадцать шесть центов, – сухо произнес Битон.

– Ох. Ну, ладно. Но ведь это все равно здорово, не так ли? Распорядиться чьим-то литературным наследием, – подмигнул ему Тоби.

– Да, – криво улыбнулся Уоллес Битон. – Действительно, здорово.

– И, э-э, это все?

Уоллес Битон пожал плечами:

– Да.

– Так. Просто я на прошлой неделе разговаривал по телефону с внучатой племянницей Гуса, и она намекнула, что у него, возможно, были некоторые акции и облигации. Это так? – с надеждой спросил Тоби.

– В самом деле?

– Да. Она сказала, что в молодости Гус неплохо разбирался в фондовом рынке.

– Ну, об этом здесь нет ни слова, – ответил Битон и постучал длинными пальцами по кипе бумаг на столе. – Возможно, он их продал. Или же, – добавил адвокат с огоньком в глазах, – держал все свои сбережения где-нибудь под матрасом...

Тоби потянул матрас Гуса за один из углов и прощупал все, что было под ним. На той стороне кровати, что была ближе к нему, ничего не нашлось, и тогда Тоби влез на матрас и принялся отгибать углы дальше.

И тут он заметил что-то в задней части остова кровати. Этим чем-то оказалась книжка с синей обложкой, она была похожа на записную книжку или, возможно, на дневник. Она была обшита потрепанной холщовой тканью. Тоби перегнулся через кровать и вытащил книжку. Она оказалась довольно объемной, и из нее торчала куча бумажек. На лицевой стороне обложки красовалось тисненное золотом слово «Regal».

Тоби сел на кровать и раскрыл книгу. Пахнуло мокрой листвой и наполовину высохшими чернилами. На первой странице, как и следовало ожидать, узловатым почерком было написано «собственность Августа Велдтмана». Чтобы понять, что за книгу он держит в руках, Тоби пришлось пролистать ее, и вскоре он догадался, что для Гуса Велдтмана этот талмуд был чем-то вроде записной книжки. Тут было все, что ему приходило в голову: тексты песен, стихи, списки покупок, счета, письма, дневниковые записи, мысли, котировки, накладные и наброски рукописей. Тоби нашел в книге счет от кровельщика, выписанный десять лет назад, весь исписанный какими-то примечаниями Гуса, а рядом лежал пакет из закусочной «Waitrose Honey Roast Ham», на котором значилось: «довольно неплохо». Тут же хранилась этикетка от сэндвича с сыром и маринованными огурцами, подписанная фразой: «Гадость несусветная. Написать производителям и потребовать компенсацию».

Еще там была информация о лекарствах, которые он принимал, книгах, которые читал, блюдах, которые ел. Среди страниц попадались автобусные билеты, рецепты от врача и открытки, автором которых был некто по имени Михаэль из Германии (*«Я часто вспоминаю о тебе, мой друг, особенно в это время года»*).

Большей частью записанное в книжке никакого интереса не представляло, но периодически что-то на ее страницах привлекало внимание Тоби. Например, на одном из листов не было записано ничего, кроме одной фразы, заключенной в кавычки:

«Сегодня в стакане оказались две зубные щетки. Стоят бок о бок – будто любовью занимаются».

Гус бывал и менее лаконичным – другая страница содержит подробное описание состояния, в котором он однажды утром застал кухню:

«В мойке висит гора грязных тарелок, словно Пизанская башня, покрытая экскрементами стаи отравленных гусей, все поверхности покрывают струпья гнилых остатков пищи, а на полу разлита жидкость, явно имеющая органическое происхождение. Одна мысль о том, как можно так жить, вызывает тошноту».

В другом отрывке описана встреча с Руби в коридоре:

«Она оценила меня, как жеребец может оценить мула, а потом вернулась к себе в комнату, где ее уже ждал в постели очередной негодяй. А через несколько минут мои барабанные перепонки начали крушить бешеные стоны спаривающейся сучки».

Гус очень много писал о ком-то по имени Борис.

«Борис продолжает меня игнорировать. Видимо, он думает так привлечь мое внимание, но не тут-то было».

«Во всем виноват Борис. Невоспитанный эгоист. Надеюсь, он недолго проживет».

«Сегодня мы с Борисом целый час провели в саду, на свежем воздухе. Он забрался ко мне на колени, и мы восхищались видом прекрасных цветов синего гиацинта, которые пробивались-таки через промерзшую февральскую землю».

Только когда Тоби прочитал отрывок: «У Бориса, судя по всему, расстройство желудка. Содержимое его лотка рыхлое и омерзительно пахнет. Сегодня пять раз пришлось менять наполнитель...» – он понял, что Гус имел в виду своего кота.

Тоби оттянул угол матраса и посмотрел вниз, сквозь деревянные рейки. Оттуда на него глядели глазенки Бориса.

– Привет, Борис, – сказал Тоби.

Кот посмотрел куда-то вдаль.

– Гус говорит, что ты невоспитанный эгоист.

Кот отвернулся и свернулся в клубок.

– Может быть, он и прав.

И тут Тоби увидел его. Мешок из ткани черного цвета, спрятанный между планками кровати. К мешку был на резинке привязан конверт, на котором было написано «Для Тоби». Тоби вскрыл его и достал письмо, отпечатанное на тонкой, хрустящей бумаге:

Дорогой Тоби!

Ну, наконец-то я умер. Искренне надеюсь, что моя смерть не причинила тебе слишком много неудобств и что у меня не было какой-нибудь там затяжной или заразной болезни. А если была, то прошу прощения. Я выбрал жизнь в одиночестве, и если тебе пришлось в какой-то момент со мной нянчиться, то прости меня за это.

Все мои жалкие пожитки и моего жалкого кота я завещаю тебе. С первыми делай, что тебе заблагорассудится, но, пожалуйста, будь добр к последнему. И, конечно, тебе достается мое литературное «наследие» – ха! – каким бы мизерным оно ни было. К тому же, и это куда важнее, есть еще кое-что. Я олицетворяю клишированное представление о пожилом человеке, который никому не доверял свои деньги и хранил свои сбережения под матрасом. Сколько тут точно денег, я не знаю, но, надо думать, сумма неплохая. Я бы хотел, чтобы эти деньги достались тебе, но при одном условии. И ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО. Ты хороший, Тоби, но ты сбился с пути. Твои жильцы не ценят ни тебя самого, ни твою щедрость. Они тебя тянут назад. Больше всего я боюсь, что ты, Тоби, в конечном итоге, как и я, останешься один, непонятый, недооцененный, и вынужден констатировать, что такой сценарий вполне вероятен. Пожалуйста, Тоби, используй эти деньги, чтобы наладить свою жизнь. Продай дом; освободи себя от этих оков. Ведь дом – это всего лишь кирпичи и строительный раствор. Замени кирпичи, и тогда ты сможешь починить свою душу.

Так как в загробную жизнь я не верю, мне приходится поверить на слово, что мои указания ты выполнишь. Но из всех, кого я когда-либо знал, ты больше всего заслуживаешь доверия и, я уверен, поступишь именно так, как я тебя прошу.

Храни тебя Бог.

Твой друг Август Велдтман

Тоби медленно вдохнул и выдохнул, пытаясь успокоить выскакивающее из груди сердце. А потом взял мешочек, развязал шнурок и заглянул внутрь. Увидев что-то красное, он тут же закрыл мешок. Разве не красного цвета банкноты в пятьдесят фунтов?

Он снова открыл мешок и достал оттуда одну из купюр. Это и правда оказались пятьдесят фунтов. Новая, глянцевая банкнота в идеальном состоянии. Тоби вытащил из мешка еще одну банкноту. А потом еще одну. И, наконец, вывалил все содержимое мешка на кровать. И оказался в море из красных банкнот. Среди них не было ни одной десятки, двадцатки или пятерки. Только купюры по пятьдесят фунтов. Чтобы не завизжать или не завопить от счастья, Тоби зажал рот.

– Успокойся. Просто успокойся, – прошептал он себе.

Затем сделал глубокий вдох и начал считать. Через пять минут досчитал до конца.

£ 62 550.

Шестьдесят две тысячи пятьсот пятьдесят фунтов.

Тоби медленно и методично сложил банкноты обратно в сумку, затолкал ее под свитер и бесшумно, словно бродячий кот, пронесся по коридору к себе в спальню.

8

Когда вечером следующего дня Амиабх вернулся с работы, он не стал ходить вокруг да около: едва сняв с себя верхнюю одежду, он усадил Лию на диван, выключил телевизор, взял ее за руку и сказал:

– Лия, я люблю тебя. Но жениться на тебе не могу.

Лия вздохнула:

– Так я и знала.

– Прости меня.

Лия провела рукой по волосам и снова вздохнула. Она не знала, что ответить.

– Дело не в тебе.

– Ну, естественно.

– Просто мои родители...

– Что?

– Женись я на тебе, они были бы в отчаянии.

Лия посмотрела на Амиабха в замешательстве. Его родители ее обожали. И считали, что Лия прекрасная девушка. Амиабх сделал паузу и вздохнул.

– Слушай, – сказал он. – Мне уже тридцать. Страдать ерундой хорошо, когда ты еще совсем молод...

– Страдать ерундой?

Лия почувствовала, как живот скрутило узлом.

– Боже, нет, конечно, не страдать ерундой. Я не это имел в виду. Просто, ты и я... Это...

Отчаянно жестикулируя, Амиабх ходил по комнате.

– У нас ничего не выйдет... – закончил он свою мысль.

– Господи, Ам, что ты такое говоришь?

Сердце Лии уже прокачивало по ее артериям запредельные дозы адреналина.

– Что не могу на тебе жениться. Ни сейчас. Ни когда-либо еще. Мои родители не против, чтобы мы встречались, но они никогда не примут тебя в качестве моей жены.

Лия слышала все его слова, но не могла их понять.

– Почему? – спросила она. – Потому что я белая?

– Да, потому что ты белая. Потому что ты христианка. Потому что у тебя нет высшего образования. А твой брат – гей. Ты пьешь и сквернословешь.

– Господи, какой кошмар.

– Я думал, ты все это знала. Мне казалось, ты приняла это как данность.

– Нет, – тупо сказала Лия. – Нет, я понятия не имела.

– Так что скажешь? – спросил Амиабх.

– Не знаю, – ответила она. – Ничего, наверное. Я думала, твои родители меня любят.

– Они тебя любят.

– Тогда почему?..

– Просто так положено, Лия. Вот и все.

– А если мы не поженимся? Просто будем жить, как сейчас?

Амиабх уставился в потолок и вздохнул:

– Боюсь, все не так просто.

– Но почему нет? Если проблема только в том, что твои родители не хотят, чтобы ты женился на англичанке, то не женись на мне.

– Но я должен жениться.

– Зачем?

– Чтобы завести семью. Мне положено иметь семью.

– Но ведь не обязательно жениться, чтобы иметь семью.

– Обязательно, – сказал Амиабх и вздохнул. – В моем случае обязательно.

Лия судорожно сглотнула. Похоже, слова Амиабха наконец начали доходить до нее.

– Ты хочешь сказать, что, несмотря на три года, проведенные вместе, я для тебя всего лишь... временное увлечение? – всхлипнула она.

– Нет, конечно, нет. Просто я тогда об этом вообще не думал. Я был молод. Считал, что времени еще полно. Не думал, что наши отношения столько продлятся... – промямлил Амиабх.

Лия смотрела на него, на этого внезапно ставшего ей *чужим* человека, с которым она провела последние три года. Ощущения, которые испытывала Лия, были сродни тому, что чувствует жена, узнав, что у ее мужа есть вторая семья. Или что чувствуешь, когда выясняется, что твой муж террорист или секретный агент. Лия уже не первый раз слышала о межрасовых парах, оказавшихся в подобном положении; даже смотрела как-то сюжет на шоу Килроя. Вспомнила, что даже смеялась, думая, что с ней и Амиабхом ничего подобного быть не может, потому что его родители любят ее и не против их отношений. К тому же, если быть совсем честной, Лия вообще не сразу поняла, что Амиабх индус.

– То есть нам лучше расстаться? – заикаясь, произнесла она.

Амиабх кивнул. Пожал плечами. И снова кивнул.

– Полагаю, что да, – сказал он.

Лия заплакала.

12 января 2005

Тоби!

Прошло уже очень много лет с тех пор, как я последний раз тебе писал. Прости, что не поддерживал связь, но такова жизнь. Сообщаю тебе, что мы с Джеммой разводимся. Она с мальчиками (у нас двое сыновей, старшему – двенадцать, а младшему – девять) останется в Кейптауне, а я переезжаю в Йоханнесбург. В конце марта мне по делам нужно быть в Лондоне, так что я пару недель проведу в своей квартире в Челси.

Я хотел бы встретиться с тобой. Интересно посмотреть, кем ты стал – был-то ты не сказать, что человеком многообещающим. К тому же интересно, в каком состоянии дом, который я купил тебе перед своим отъездом. Если у тебя есть мозги, нужно пользоваться ситуацией на рынке, чтобы устроить свою жизнь. По оценкам Питера, сейчас дом должен стоить больше полумиллиона – думаю, сумма вполне достаточная, чтобы ты мог напечатать свою «поэзию»! Я периодически почитываю рубрику о книжных новинках в «Times», но упоминаний о тебе там не встречал!

В любом случае я буду очень рад, если ты мне расскажешь, как жил все эти годы. Я все еще не исключаю возможности, что ты дашь мне повод для гордости. Кажется, тебе скоро сорок, а в таком возрасте мужчина уже должен знать, состоялся ли он в жизни или нет.

Если захочешь со мной связаться, номер Питера у тебя есть.

С наилучшими пожеланиями

Реджи (папа)

9

Так как было практически невозможно выяснить полный распорядок дня всех жильцов и вычислить момент, когда в доме никого не будет, для Тоби оказалось сущим кошмаром пригласить агента по недвижимости для оценки стоимости особняка.

Через некоторое время, однако, он смог поймать такой момент, когда Руби была на репетициях, Джоанна и Кон – на работе, а Мелинда – у визажиста в салоне на Крауч-Энд. Это было всего через пару дней после того, как ему пришло письмо от отца.

Узнав, что в доме никого, Тоби позвонил в риелторское агентство, и спустя пять минут на пороге уже появился их сотрудник по имени Уолтер. У него были аккуратно подстриженные усики и проницательный взгляд.

– Должен заметить, перспективы у этого здания огромные, – такими были первые слова агента при входе в дом. Уолтер вытер ноги и протянул Тоби руку. – Нечасто люди продают подобные дома, – добавил он и стер тыльной стороной своей волосатой руки капли пота со лба. А затем чиркнул что-то в свой блокнот формата А5. – О да, – сказал Уолтер, оглядывая холл. – О да, да, да. Восхитительно. Так вы владелец, господин Доббс?

– Да, все верно, – ответил Тоби.

– И как долго? – уточнил Уолтер.

– Пятнадцать лет. Почти.

Тоби сглотнул. Костюм, усы и блокнот агента по недвижимости создавали атмосферу детективного сериала семидесятых годов – как будто Тоби был подозреваемым, а Уолтер его допрашивал.

Агент одобрительно кивнул.

– Должен сразу вас предупредить, – произнес Тоби, чувствуя, что Уолтер радуется слишком рано, – я не очень-то хорошо следил за домом. Кое-что подлатать тут определенно нужно.

– Тогда давайте пройдемся и посмотрим, – предложил усатый агент.

И Тоби провел Уолтера по дому. Из-за того, что тот явился очень быстро, Тоби не успел как следует прибраться и навести порядок. Глаза агента выхватывали из окружающего бардака отдельные предметы – чью-то обувь, кружки, документы, расчески, пустые упаковочные пакеты, диски, засохший тост, извлеченный из горшка и лежащий на листе газеты в столовой цветок, который кто-то хотел посадить, но так и не успел. Одним словом, все эти кусочки жизненной мозаики жильцов дома.

– Боюсь, что тут не то чтобы стерильно. Тут, помимо меня, живут еще несколько жильцов – сейчас их всех нет дома, – рассказал Тоби.

– А, так вы живете не один? – заметил Уолтер.

– Нет, с друзьями.

– Понятно. А что насчет семьи и детей?

– Нет, – ответил Тоби. – Только мы, взрослые.

И нервно засмеялся.

Пока они ходили по дому, агент почти ни слова не произнес, только что-то строчил в свою записную книжку и периодически одобрительно хмыкал. Тоби чувствовал себя крайне неловко, открывая перед Уолтером двери в комнаты своих жильцов. Обычно он ни при каких обстоятельствах старался туда не входить. Поэтому, изо всех сил пытаясь не смотреть, что внутри, Тоби каждый раз искренне радовался, когда приходила пора идти в следующую комнату.

Как Тоби и думал, самой грязной оказалась комната Руби. На окнах были развешаны шелковые шали с кружевными оборками и электрические гирлянды, покрытые толстым

слоем пыли. На полу валялись предметы гардероба, книги и музыкальные диски. Оставленная в беспорядке постель была завалена подушками и грязным бельем. На туалетном столике стояла полная окурков пепельница, пространство вокруг которой было заставлено упаковками от косметики и завалено украшениями. Комната Руби выглядела так, словно тут живет либо студентка, либо девушка, которая совершенно не умеет присматривать за своим жильем. А пахло тут сексом и сигаретами.

Комната Кона и Мелинды, напротив, была полупустой, а тот скучный интерьер, который в ней имелся, был донельзя минималистическим. На заправленной кровати Мелинды лежало простое, опрятное одеяло и две объемные подушки; матрас же, на котором спал Кон, выглядел довольно неряшливо. На деревянной панели слева от окна виднелись надпись «Кларабель» и крошечная картина: симпатичная девушка в шляпе и с сигаретой в руке. Кларабель – так звали страдающую маниакально-депрессивным расстройством художницу, которая в девяносто шестом году прожила в этой комнате полгода. Она съехала, потому что собиралась выйти замуж за гимнаста из России и из-за этого переезжала в Санкт-Петербург. Было странно видеть столь оригинальный и даже слегка пугающий автопортрет среди тех вещей, которые принадлежали Кону и Мелинде.

– Сколько в вашем особняке ванных комнат? – произнес Уолтер, направляясь к комнате Джоанны.

– Две, – сказал Тоби. – По одной на каждый этаж.

– Хорошо, – ответил агент. – А что-нибудь еще из помещений есть?

– Нет, боюсь, что нет.

Тоби потянул ручку двери Джоанны и с некоторым удивлением обнаружил, что дверь заперта.

– А, – сказал он Уолтеру, – мм, кажется, она заперта.

Тот кивнул.

– Джоанна – она очень стеснительная девушка, – зачем-то добавил Тоби.

Поднявшись наверх, Тоби показал Уолтеру свою комнату, сверх всякой меры набитую мебелью. Пришлось зайти и в аляповатые апартаменты Гуса, где Тоби долго объяснял агенту, откуда такой странный кошачий запах и почему за котом никто не следит. К тому времени, как они дошли до сада, Тоби впервые заметил огромную компостную кучу, оставленную на лужайке с конца прошлого лета, а также гигантские заросли сорняков из всех мыслимых и немыслимых мест – трещин, расщелин, даже старых велосипедных шин. Довершали картину ржавая беговая дорожка и древний холодильник, добавлявшие местному пейзажу изрядную толику коричневого цвета. Тоби чувствовал себя крайне неловко – слишком за многое пришлось извиняться. Теперь ему казалось, что Уолтер не согласится продать особняк и за пятьдесят фунтов, не говоря уже о пятистах тысячах.

Налив агенту чаю, Тоби сел рядом с Уолтером за кухонный стол.

– Так вот, – начал Уолтер, – дом весьма красивый.

– Вы думаете?

– О, несомненно. Но, как вы и сказали, есть пара мелких замечаний по его содержанию. Не говоря уже о мебелировке и жильцах.

– Что вы имеете в виду?

– Последние – это, пожалуй, и есть главная проблема. Я мог бы уже завтра выставить ваш дом на продажу в том виде, в каком он находится, и, если бы мы смогли найти покупателя, или, что более вероятно, застройщика, готового к тому, чтобы отремонтировать это здание, избавив его от всех эстетических проблем, в таком районе можно было бы рассчитывать на сумму примерно в семьсот пятьдесят тысяч фунтов.

У Тоби перехватило дыхание. Уолтер продолжил:

– Однако если бы вы были в состоянии подлатать это здание самостоятельно – сделать косметический ремонт в кухне, в ваннных комнатах, разгрести кое-что в саду и, что более важно, удалить жильцов и создать семейную атмосферу, покупатель был бы готов отдать за ваш особняк гораздо больше.

– Насколько больше? – заикаясь, спросил Тоби.

– Я бы сказал, если бы здесь был сделан косметический ремонт и если бы сюда могла въехать сразу целая семья, рыночная стоимость особняка составила бы около девятисот тысяч фунтов. Может быть, даже миллион, – ответил Уолтер.

– Вы ведь шутите? – подмигнул Тоби. – Не может он так дорого стоить.

– Может, определенно. Может быть, даже и больше, в зависимости от качества ремонта.

– Боже милостивый.

Тоби глубоко вдохнул и подергал себя за бакенбарды, чтобы убедиться, что это все ему не приснилось.

– Ваш особняк уникален, господин Доббс. В этом районе таких зданий больше нет. А за уникальность люди готовы предложить немалые деньги.

– Итак, если бы мне сейчас вздумалось выставить дом на продажу, как мне нужно было бы поступить?

– Можно продать дом застройщику. Чтобы разделить его на две или три квартиры. Или продать семейной паре, которая любит все перестраивать.

– А если бы я сам сделал ремонт и выгнал своих жильцов... То есть, конечно, своих друзей?

– Тогда вы могли бы значительно увеличить стоимость дома.

– И как бы на моем месте поступили вы? – допытывался Тоби.

– Ну, если бы в моем распоряжении было достаточно денег, я бы выбрал второй сценарий. Скорее всего, – подмигнул Уолтер.

– Неужели? – не поверил собственным ушам Тоби.

Уолтер решительно кивнул:

– Без сомнения. Но в таком случае рекомендую вам с этим не затягивать. Сейчас на рынке недвижимости ситуация крайне нестабильная. Так что постарайтесь побыстрее выселить своих жильцов, связаться с застройщиками и как можно быстрее выставить дом на продажу. Чтобы максимизировать свою прибыль.

– Вы правы, – сказал Тоби, глядя через окно кухни на свой запущенный сад и чувствуя, что начинает переживать. – Правильно. Так я и поступлю, – сказал он.

Как только Уолтер ушел, Тоби сделал нечто совсем нехарактерное. Он составил список.

У него вдруг оказалось столько вещей, которые нужно было обдумать и сделать, что он решил: если перенести свои мысли на бумагу, то легче будет все это контролировать.

Список неотложных дел

1. Купить новые диваны.
2. Подстричься.
3. Купить новые носки.
4. Осмотреть кухни.
5. Осмотреть ваннные комнаты.
6. Пригласить строителей, чтобы составили смету.
7. Пригласить водопроводчика, чтобы составил смету.
8. Пригласить декоратора, чтобы составил смету.
9. Выселить жильцов.
10. Продать дом.

11. Переехать в Корнуолл (?).
12. Заключить контракт с издателем (?).
13. Развестись.
14. Разлюбить Руби.
15. Найти правильную девушку.
16. **НАЧАТЬ ЖИТЬ.**

10

Лие и самой до сих пор с трудом верилось, что она работает в месте под названием «Розовый Колибри». Устраиваясь на работу, девушка подумала, что это какой-то розыгрыш и даже переспросила название магазина, чтобы убедиться, что не ослышалась.

– Да, – ответила женщина из агентства. – Ваша реакция меня не удивляет. Сами все поймете, когда его увидите.

Бутик «Розовый Колибри» оказался самым вызывающе женским магазином во всем Лондоне. У него был сливочно-розовый фасад, а витрины были украшены электрическими гирляндами, усыпанными розовыми перьями. Здесь можно было купить такие вещи, которые взбрело бы в голову приобрести только сумасбродной девчонке: рамки для фотографий в стразах или, например, писчую бумагу, пропитанную духами. С потолка свешивались инкрустированные драгоценными камнями люстры и птичьи клетки из бамбука, выкрашенные в белый цвет. На стенах красовались зеркала в рамах из венецианского стекла и мягкие бархатные шляпки сливового и пурпурного цветов. В магазине продавалось нижнее белье из вуалевой ткани, упакованное в сатиновые футляры с подкладкой из тонкой бумаги, на которых были изображены розовые бутоны. А еще на витринах были плюшевые кошки, одетые в шубы и туфельки на высоком каблуке. А еще ручной работы поздравительные открытки, инкрустированные бриллиантами и пайетками. И подушки из шкур монгольских овец в пастельных тонах. И шариковые ручки, усыпанные лиловыми блестками и перьями марабу.

Одним словом, «Розовый Колибри» представлял собой щедро облитое глазурью и усыпанное сахарной пудрой пособие по деградации общества, раздутое до пугающих масштабов.

Вообще-то Лия была не из тех девушек, которые увлекаются всем этим розовым безумием. Ей было куда удобнее носить туфли без каблука и плотные джинсы. Она почти не красилась и никогда не пользовалась духами. Единственным, в чем она позволяла себе проявлять женственность, были ее всегда тщательно уложенные волосы и идеальный маникюр. Лие действительно ни к чему был макияж: у нее был типаж деревенской девушки, которой достаточно чуть подкрасить глаза и припудрить щеки. Может быть, именно поэтому Рут и предложила ей эту работу. Наверное, просто забыла взглянуть на ее туфли без каблука и грязные пятна на единственных парадных брюках. И не заметила, что на Лие футболка с логотипом. Наверное, ей бросились в глаза лишь хорошенькое личико и женственная прическа, и этого оказалось достаточно, чтобы подумать, что у Лии были все шансы со временем превратиться как раз в подобного «розового колибри».

В любом случае работу эту она получила. К настоящему времени Лия уже пять лет управляла магазином Рут – с тех пор, как сама Рут переехала в Лос-Анджелес, чтобы открыть «Розовый Колибри-2» в Беверли-Хиллз. И Лие здесь очень нравилось. Бутик был благоухающим противовесом от оборотной стороны ее жизни. Так приятно было входить сюда по утрам, попадая с серых улиц Лондона в эту ароматную пещерку в розовых тонах.

Вот только, если бы лет десять назад кто-нибудь сказал Лие, что в один прекрасный день, когда ей исполнится тридцать пять, у нее все еще не будет крыши над головой, а вся жизнь будет состоять из сувенирного магазина в Масуэлл-Хилл, она бы от души расхохоталась. Но, продавая девушкам, девочкам и бабушкам чертовы безделушки по завышенной цене, Лия чувствовала кончиками своих идеальных ногтей грохот надвигающегося на нее тяжелейшего жизненного кризиса.

На часах было три часа дня. Лия едва успела раскрыть свежий номер «Heat» и приступить к поеданию салата из тортеллини, как вдруг в дверь «Розового Колибри» позвонили.

Она быстро затолкала пластиковую упаковку с едой под прилавок и посмотрела в сторону двери.

В магазин вошел Тоби.

На нем был кремовый свитер крупной вязки, узкие черные джинсы, а дополнял наряд красный шарф. На голове Тоби красовалась серая шерстяная шапка. Все это плохо сочеталось с его огромными, начищенными до блеска ботинками, но каким-то образом Тоби удалось создать довольно цельный образ, который не смогли испортить даже его пышные, слегка старомодные бакенбарды. При взгляде на него Лия просто не смогла сдержать улыбку.

– Здравствуйте, – сказал Тоби, глядя на нее из-под бумажного зонтика с принтом в китайском стиле, за который Лия пряталась.

Та взглянула на него в ответ:

– Здравствуйте.

– Это я, – сказал он, извиняясь, – Тоби.

Она кивнула и улыбнулась:

– Да, я в курсе.

– Так вот, значит, где вы работаете? – произнес Тоби и пробежал взглядом по магазину.

– Ага. Ага. Это мой... пушистый розовый мирок, – развела руками Лия.

– Мило, – сказал он. – Я, должно быть, миллион раз проходил мимо и ни разу не догадался заскочить.

– Ну, тут одно из двух: либо вам нравятся электрические гирлянды в перьях на витрине, либо нет.

– Вот уж не уверен, – ответил Тоби, оглядываясь. – Мне, в принципе, по душе некоторые вещи, которые у вас продаются. Например, вот такие подушки.

Он посмотрел на ценник подушки в наволочке цвета слоновой кости, украшенной пайетками, и нервно вздрогнул.

– О боже мой, – сказал он. – Столько стоит *подушка*?

– Ага. – Лия кивнула. – И поверьте мне, ее себестоимость вы знать совсем не хотите.

– Пожалуй, не хочу, – согласился он. – Нет.

В дверь вдруг постучали, и Лия с Тоби вздрогнули. Вошла старушка в шерстяном пальто. Лия улыбнулась ей.

– Надеюсь, ничего, что я пришел вот так, без предупреждения. Не могу сказать почему, но то, что мы не виделись с тех пор, как скончался Гус, мне совсем не нравится. К тому же вы упомянули, что работаете в розовом сувенирном магазине, а я проходил мимо и предположил, что это и есть тот самый сувенирный магазин. Так что я подумал, нужно зайти и сказать привет. И поблагодарить вас. Еще раз.

– За что? – не поняла Лия.

– За то, что так здорово себя повели в столь нелегкий момент, – ответил Тоби.

– А, ну да. Хотя для нелегких моментов я хороша, – вздохнула она.

– Да, вы правда замечательная.

– Итак. Похороны уже состоялись?

– Да. Во вторник.

– И как все прошло?

– Ужасно, – с улыбкой ответил Тоби. – Ужасно. Весь день лило как из ведра, а родственники Гуса были просто невыносимы.

– Жуть какая, – ответила Лия, улыбаясь ему в ответ.

– Да, но с тех пор произошло много всего интересного.

– Правда?

– Да. В моей жизни, на самом деле, все перевернулось вверх тормашками.

– Боже. В каком смысле? – спросила Лия.

– Ну...

Тоби сделал паузу и облизнул губы. Затем погладил бакенбарды и прищурился. Лия смотрела на него с любопытством.

– Все в порядке? – спросила она.

– Слушайте, – ответил Тоби, – я надеюсь, вы не думаете, что я странный, но я помню, как вы сказали, что вам интересно все, связанное с людьми. А вот для меня любопытство не характерно, и я в очень странном, затруднительном положении, и мне очень нужно... Боже, это прозвучит так по-американски и так глупо, но мне действительно нужно *с кем-то поделиться*. И хотя я знаю, что мы почти не знакомы, но у меня правда больше нет никого, с кем я мог бы обсудить подобное...

– То есть вы хотите поговорить со мной? – подытожила Лия.

– Да, – кивнул Тоби.

– О своих проблемах?

– Ну да.

– Замечательно, – улыбнулась она, слезая со стула. – Тогда пойдёмте попьем кофе.

Они пошли в «Ruby in the Dust». Тоби заказал капучино, а Лия – мятный чай и чизкейк. Она посмотрела на Тоби. Тот сделал глоток кофе, и теперь у него были усы из пены, а по всей щетине была рассыпана шоколадная пудра. Лия еле-еле подавила желание стереть пудру бумажной салфеткой и улыбнулась ему.

– Так вот, – сказал Тоби. – Дело в том, что Гус оставил мне немного денег. По завещанию.

– Допустим.

– Да. И сейчас, по странной иронии судьбы, в Лондон возвращается мой блудный отец, чтобы увидеть меня. А я уже забыл его и никогда не думал, что мы увидимся снова. В следующем году мне исполняется сорок, и я просто чувствую, что это мой последний шанс, ну, знаете, чего-то добиться, потому что я застрял в страшной, ужасной рутине – и вот теперь у меня вдруг появились силы и средства, чтобы что-то изменить: отреставрировать дом и выставить его на продажу. Но есть одна загвоздка.

– Неужели?

– Да, и это жильцы. Мне нужно избавиться от них.

– Правильно...

– Да. Мне нужно их всех выгнать. Чтобы отремонтировать дом и продать его, прежде чем вернется отец.

– А когда он возвращается?

– В конце марта. На пару месяцев.

– Прекрасно. А почему нельзя их просто выселить?

– Потому что...

Тоби сделал паузу, потом вздохнул.

– О боже, я не знаю, я выгляжу полным идиотом – мне прекрасно понятно, что именно так я и должен поступить, но по какой-то странной причине я просто не могу этого сделать. По какой-то причине я чувствую личную ответственность за них.

– Но почему?

– Потому что, ну... потому что они все такие потерянные.

– Потерянные?

– Да, в той или иной степени. И единственная причина, по которой они живут в моем доме, – им больше некуда идти. У них ни друзей, ни семьи, ни своего угла. И, если я их выгоню, что же с ними станет? Что будет со всеми этими людьми?

– Ну да, но ведь это их дело, не так ли?

– Да, но я чувствую, что в некотором роде отвечаю за них. То есть это ведь я пригласил их всех пожить у себя в доме. Это ведь я давал объявление в газету и потом выбирал из всех кандидатов тех, кто нуждался в моих услугах больше всего. А теперь получается, что я вдруг решил прикрыть лавочку. Самое интересное, что я всегда думал – один только Гус удерживает меня от того, чтобы продать дом. А оказалось, что все иначе. Дело было не только в нем, дело было во всех жильцах, – сознался Тоби.

– Так что же вы собираетесь делать? – полюбопытствовала Лия.

– Именно то, о чем говорю. Я смогу с чистой совестью попросить их съехать только в том случае, если буду знать, что у них есть, куда идти, и есть люди, с которыми они могут быть рядом. Я смогу их отпустить, только если буду уверен, что они...

– Счастливы?

– Да. Точно. Что они все счастливы. А я ничего не знаю о тех людях, с которыми живу в одном доме, разве что кроме марки хлопьев, которые они едят по утрам. И не сказать, что я люблю задавать вопросы. Мне неуютно. Но пока я не узнаю о них всех больше, я не смогу им ничем помочь. И я подумал, что вы, как человек любопытный по своей природе, могли бы мне помочь или, по крайней мере, дать мне *совет*, как *получить доступ* к тому, что волнует моих жильцов.

– То есть вы хотите, чтобы я вас научила, как стать любопытным?

– Ну да, я полагаю...

– Все очень просто. Нужно постоянно задавать кучу вопросов.

– О боже. Каких вопросов?

– Да неважно. Просто спросите, как у них дела. Чем они заняты. Какие у них планы, – пожала плечами Лия.

– И правда, – вздрогнул Тоби. – Только... разве они не сочтут это вторжением в личную жизнь?

– Нет, конечно. Люди любят, когда их спрашивают о жизни.

– Разве? А я вот, например, терпеть не могу.

– Естественно, не все. Но большинство. К тому же я могла бы вам помочь.

– Правда?

– Эмм... Ну да, я могла бы тоже поспрашивать, так сказать, сунуть свой нос в чужие дела. Понимаете?

Тоби посмотрел на нее в восторженном изумлении:

– Вы могли бы сделать это для меня?

– Конечно, могла бы. Я же говорю. Я отчаянно любопытна.

Лия улыбнулась, потому что ей в голову пришла интересная мысль. Последние три года она наблюдала за всеми этими людьми, жившими в доме через дорогу, и вот теперь, спустя три года гадания: какие они, кем работают, чем занимаются и почему живут в этом доме, ее попросили все разузнать. То есть официально дали разрешение совать свой нос, куда не надо.

– Если вам действительно так нравится все разузнавать, было бы просто замечательно, если бы вы смогли мне помочь. К тому же на следующей неделе мне исполняется тридцать девять, и я подумал, что мог бы пригласить некоторых из жильцов отпраздновать это событие. Приходите и вы. Пусть это будет ваш шанс...

– Полюбопытничать? – улыбнулась Лия.

– Да, – улыбнулся в ответ Тоби. – И возьмите с собой вашего, э-э, друга? Мужа?

Лия вопросительно взглянула на него.

– Ну, врача. Азиата, – намекнул Тоби.

– А. Это Амитабх. Мой бывший. Мы расстались.

– Ой. Какой кошмар. Извините. Я... э-э... – замялся Тоби.

– К тому же он не врач, а простой медбрат, – добавила Лия.

– Ах да. Конечно. Я как раз собирался предложить, чтобы вы его тоже пригласили. Но, видимо... Я правда не знал, – произнес он.

– Да все нормально, не переживайте. Мы расстались на прошлой неделе. Я предложила пожениться, а он вдруг вспомнил свои индийские традиции. Сказал, что его родители отрекутся от него. Так что ничего не поделаешь.

– Мне очень жаль.

– Ну... – Лия пожала плечами, еле сдерживая слезы, чтобы не смущать Тоби. – Бывают в жизни неприятности. Я пытаюсь смотреть на это с философской точки зрения.

– Да, так лучше всего. Однозначно.

На мгновение они оба замолчали. Лия посмотрела на Тоби. Задумчивый, он с тоской уставился в окно.

– Итак, – улыбнулась Лия. – Вот это, например, прекрасная возможность попрактиковаться в любопытстве. На вашем месте такая, как я, непременно захотела бы узнать еще что-нибудь о том, как мы с Амитабхом расстались.

Тоби смотрел на нее непонимающе.

– Давайте, спросите меня.

– О чем?

– О расставании.

– Ну да, но вы только что мне сами рассказали, почему расстались с ним. Что мне еще спросить?

– Ну, например, вы могли бы спросить, как долго мы встречались.

– Правильно. Хорошо. Итак, как долго вы встречались?

– Нет! Не так. По вашему тону должно быть понятно, что вам очень и очень интересно. Скажите: «О нет, какой ужас. Как долго вы встречались?»

Тоби покраснел и откашлялся.

– О нет, бедняжка! Как долго вы встречались?

– Почти три года.

Тоби кивнул.

– И? – произнесла Лия.

– Что «и»? – не понял Тоби.

– Спросите меня еще о чем-нибудь. Спросите меня, как мы познакомились.

– И – как вы познакомились?

– Мы встретились на свадьбе его двоюродного брата.

– Так. Понимаю.

– Мы с невестой вместе работали. Думаю, она и пригласила-то меня только потому, что кто-то из гостей в последний момент отказался.

Тоби неловко кивнул.

– Продолжайте, – ободрительно сказала Лия.

Тоби помедлил, а потом произнес:

– И, эмм... Он был хорошим?

– Да, – ответила Лия. – Хорошим. Даже очень. Но, очевидно, не настолько хорошим, как я думала.

– И что вы теперь собираетесь делать?

– Ам живет в сестринском общежитии, а мне теперь нужно найти жилье.

– И, эмм... как вы к этому относитесь?

– Меня все это очень раздражает, мне очень грустно, и я очень нервная.

Лия замолчала, и ее нижняя губа задрожала, а улыбка померкла. Она моргнула, чтобы смахнуть слезы, и рассмеялась. А потом не смогла себя пересилить – взяла салфетку и стерла шоколадную пудру с подбородка Тоби.

– Вот видите, – сказала она, пытаясь выжать из себя улыбку. – Легко, не так ли? Быть любопытным.

– Да, думаю, да.

– Так что? Как думаете, у вас получится? Сможете вы разузнать все о жильцах?

Тоби кивнул:

– Да. Теперь, мне кажется, точно смогу.

11

Тоби увидел на кухне Джоанну. На ней были джинсы, сидевшие на талии слишком высоко, красная водолазка из джерси, небольшие золотые серьги и кожаные ботинки на плоской подошве из очень мягкой кожи. Ее волосы были уложены в аккуратный «боб», с одной стороны которого красовалась усыпанная блестками заколка, которая выглядела несколько нелепо, резко контрастируя с нарядом, выдававшим ранний кризис среднего возраста. Губы Джоанны были покрашены неровно и не очень красивой помадой кораллового цвета. Когда Тоби вошел в кухню, Джоанна, казалось, смутилась и уже собралась было уйти, но не успела – он поздоровался, и ей пришлось обернуться.

– Как дела? – осторожно спросил Тоби.

– Хорошо, спасибо, – пробормотала она, подставив чайник под струю воды из-под крана. Тоби ждал, что Джоанна спросит, как дела у него, или, по крайней мере, хотя бы предложит ему чашечку чая, но не тут-то было. Вместо этого она стала что-то тихо напевать себе под нос и смотрела в окно, пока чайник с шумом кипятил воду. Тоби посмотрел на Джоанну со спины. Джоанна была очень хрупкого телосложения, субтильная – ее талию можно было легко обхватить двумя руками, а плечи совсем узкие.

– Так, Джоанна, – сказал Тоби. И сделал паузу, не совсем уверенный в том, что говорить дальше, но понимая – молчать не стоит. – Как долго вы уже живете здесь?

Джоанна развернулась.

– Что? – спросила она, указывая на пол. – *Здесь?*

– Эмм... да, – сказал Тоби. – Ну, вы поняли. В этом доме.

– О да. Ну... Не могу сказать точно, – ответила Джоанна.

Она поджала губы и уставилась в потолок.

Тоби держал в левой руке пакет муки, думая, прикидывает ли Джоанна, как долго живет в его доме, или же просто смотрит на потеки воды на обоях.

– Два года и восемь месяцев, – произнесла она наконец.

– Правильно.

– И двадцать дней, – добавила Джоанна.

– Правильно, – повторил Тоби.

– Я въехала 4 мая 2002 года. Был солнечный весенний день.

– Да? – спросил Тоби, потирая подбородок, словно пытаюсь вспомнить тот день.

– Да. Я переехала из юго-восточного Лондона. В тот день в городе был марш – выступали сторонники легализации марихуаны. На улицах были толпы людей в костюмах, символизирующих листья марихуаны. И я была очень рада уехать из такого района, – рассказала Джоанна.

Тоби засмеялся, радуясь, что она решила внести некоторое разнообразие в эту шитую белыми нитками беседу. Но теперь Джоанна уставилась на него.

– А зачем вы спросили?

– Не знаю, – сказал он, потянувшись за ситечком. – Мне было просто интересно.

Наступила тишина, и слышно было лишь, как звенит чайная ложка, ударяясь о стенки чашки, пока Джоанна размешивала сахар в чае.

– И как вам? – спросил Тоби.

– Что? – не поняла Джоанна.

– Дом. Жизнь здесь. Вы счастливы?

– Ну, – пожалала она плечами, по-прежнему медленно помешивая ложкой в чашке. – Да. Все хорошо. У меня нет никаких жалоб. Да и с чего бы я стала жаловаться?

Затем Джоанна прищурилась и добавила:

- Вы хотите обсудить со мной какую-то проблему?
- Конечно же нет. Я просто подумал, мы ведь уже пару месяцев не разговаривали, и хотел убедиться, что вы в порядке. Вот и все.
- Ах, вот как, – коротко кивнула она и ложкой прижала пакетик к стенке кружки.
- А как дела на работе?
- Прекрасно.
- Джоанна выбросила пакетик в мусорное ведро.
- Вы ведь все еще... играете? – спросил Тоби.
- Он уже начинал нервничать – на лбу его выступили капли пота.
- Нет, – ответила Джоанна, опуская ложку в посудомоечную машину.
- А как же та роль? Ну, та, на которую вы пробовались... э-э?..
- Нет, меня не взяли.
- Ох. Какая неприятность. А что-нибудь в перспективе?
- А перспективы никакой и нет, – отрезала Джоанна.
- О, – сказал Тоби. – Вот, значит, как. Хорошо. Так вы просто?..
- Просто... что?
- Не знаю. Но вы ведь где-то работаете, да?
- Да, – сказала Джоанна и взяла кружку. – Работаю.
- Тоби чересчур усердно закивал.
- Хорошо, – выдавил он из себя. Джоанна пронеслась мимо и скрылась в коридоре, оставив после себя цветочный аромат чая «Эрл грей».
- Хорошо, – повторил Тоби.

12

Тоби был искренне счастлив, что его юность пришлась не на двадцать первый век – век суэты, где каждый живет по каким-то надуманным правилам. Современные молодые девушки, по его мнению, были все на одно лицо: одинаковые укороченные свитера из джерси, джинсы с заниженной талией, сверкающие безделушки, они все носили одну и ту же модную прическу – боковой пробор, один и тот же блеск для губ, один и тот же оттенок автозагара. А еще это странное нижнее белье – казалось, дизайнеры сошли с ума и наперебой принялись создавать бюстгальтеры, превращавшие женскую грудь в нечто, по форме скорее напоминающее металлический контейнер, наскоро пристегнутый к телу, нечто чужеродное, что в конце дня можно отвинтить, снять и убрать на ночь в чехол.

Тоби, как и большинство мужчин, в доме которых имелся доступ в Интернет, больше всего на свете любил поразвлечься на сайтах с эротическим контентом: пара привычных движений – и краткий миг экстаза. Но видеть девушек из откровенных роликов в реальной жизни ему не хотелось. Его привлекали молодые особы с не совсем идеальной фигурой, ему нравилась грудь нестандартной формы. Тоби любил разных женщин, и ему особенно нравились характерные образы: PJ Harvey, Уиллоу из «Баффи – истребительницы вампиров», та высокая девушка-диджей, которая была замужем за диджеем, дочь Джонни Болла. Он находил очень привлекательной даже Чери Блэр, хотя пока еще не нашлось того, кто бы с ним в этом согласился. Главным же секс-символом для Тоби, еще с юности, была Джейми Ли Кертис. Но какого-то определенного эталона красоты у него не было. Ему просто либо нравилась девушка, либо нет. А сегодняшняя молодежь – такая неинтересная, однообразная и предсказуемая.

В этом, кстати, заключалась главная проблема Кона. Он был скучным. К общей атмосфере, царившей в особняке, его присутствие ничего не добавляло. А ведь Кон мог бы стать каплей живительной влаги в болоте этого старого-старого дома... Но оказался лишь тускло мерцающей монеткой, еле-еле заметной со дна.

– Привет, Кон, – поздоровался Тоби, войдя в гостиную. Кон сидел в кресле и ел «Биг-мак».

– Здорово, – поднял глаза Кон. Он посмотрел на Тоби с удивлением.

– День прошел удачно?

Кон пожал плечами:

– Да так. Ничего особенного.

– Видел какую-нибудь знаменитость?

Однажды Кон ехал в лифте с Кейт Бланшетт. Кейт Бланшетт занимала в списке необычных, желанных женщин, по версии Тоби, довольно высокую позицию, и он запомнил это, однажды подслушав, как Кон несколько месяцев назад рассказывал о своей встрече Руби.

Кон улыбнулся:

– Не. Не сегодня. А вот вчера видел известного актера-гея.

– Это кого же?

– Ну, шикарный такой. Не могу вспомнить, как зовут. Он еще снимался в одном фильме с Мадонной.

Единственный фильм с Мадонной, который Тоби смог вспомнить в тот момент, – «Дик Трэиси», но он тут же понял, что речь точно не об Уоррене Битти, который, насколько знал Тоби, не был ни шикарным, ни геем.

– Так что, – произнес Тоби через некоторое время, – сколько ты еще намерен проработать в «Condé Nast»? Есть ли шанс... хоть какая-то перспектива *карьерного роста*?

Кон рассмеялся и стер с подбородка пятно кетчупа:

– Э-э... нет. Точно нет. Если только я не собираюсь становиться менеджером почтового отдела. А им я становиться не собираюсь.

– А что насчет публикаций? В журналах, я имею в виду. Ведь наверняка и тут есть какие-то варианты? – с надеждой спросил Тоби.

Кон снова засмеялся:

– Для таких, как я, нет. Это место – чертова мечта идиота. С одной стороны, реальность – мы, почтовый отдел, сотрудники столовой, уборщики. С другой стороны – весь этот другой мир, эти шикарные молодые люди, которые живут в Челси, не следят за днями недели, просто живут, словно, знаешь... *не обращают внимания*. И вот такие-то и получают там должности. И делают карьеру. А мы, все остальные, нужны им лишь для того, чтобы они вовремя получали свои письма и могли поесть, когда проголодаются.

– А, – сказал Тоби. – Понимаю. Так если ты не собираешься становиться менеджером почтового отдела и не видишь никаких других возможностей, то каков твой план? Что дальше?

– Получить ЛЧП, – тихо ответил Кон.

– Что? – не понял Тоби.

– Лицензию частного пилота.

– Ты хочешь научиться *летать*?

– Да. А почему нет?

– Но ведь это же очень дорого?

– Может быть, – пожал плечами Кон. – Но я все прикинул. Можно пойти в летное училище в Южной Африке – там в три раза дешевле. Я начал копить с момента, как устроился в «Condé Nast», и подсчитал, что мне всего-то полтора года нужно поработать, и тогда у меня будут необходимые деньги. И тогда я уволюсь. И получу лицензию пилота. Перееду жить на Карибы. Буду пилотом на чартерных рейсах. Между островами. Хорошая жизнь. Ох...

– Так, эмм...

– Говорю тебе, если бы не письмо Найджела, и не эта комната, и не, ну, понимаешь, твои шикарные условия по аренде, мне бы даже смысла не было думать о небе. Я бы никогда не смог себе этого позволить. Тот день, когда я впервые пришел сюда, был одним из самых прекрасных в моей жизни.

Кон улыбнулся Тоби широкой улыбкой, полной благодарности, и Тоби почувствовал, как сердце в его груди забилося сильнее. Он тихо вздохнул. Это было именно то, чего он всегда хотел. Особняк для этого и существовал: чтобы его обитатели могли следовать за своей мечтой. Главным критерием при выборе жильцов было их умение мыслить творчески при небольших расходах. Единственное исключение из этого правила – Руби, которая получила комнату только потому, что Тоби ее отчаянно хотел. А Кон смог жить в доме, потому что Тоби его пожалел, узнав, что мать его бросила, что у него не было постоянного места жительства и что он рисковал вот-вот лишиться своей работы и в конечном итоге оказаться на улице. И теперь, спустя год, у Кона тоже была мечта. Он хотел летать. И Тоби должен был быть в восторге. Но почему-то чувствовал себя загнанным в угол.

Тоби с грустью подумал, как деньги способны вдруг изменить всю жизнь – после смерти Гуса все его мечты имели шанс претвориться в реальность. Тоби посмотрел на Кона, который поселился в его особняке без гроша в кармане, мечтая лишь о теплой постели и о том, чтобы не лишиться хорошей работы. И вот теперь этот юноша выбрал свою стезю. Тоби всю свою жизнь стремился стать успешным. И в том, что под конец своего третьего десятка он остался ни с чем, не было ничьей вины, кроме самого Тоби. У Кона путей к отступлению не было, и он создал свою жизнь сам. Тоби задумался, что же важнее: собственный кризис среднего возраста, желание непременно доказать что-то своему отцу или будущее Кона?

Тоби на минутку присел на диван, тупо уставившись в телевизор и слушая, как Кон периодически прихлебывает из своего стакана с кока-колой, позволил своим мечтам, крадучись, скрыться, словно непослушным детям. Затем Тоби похлопал себя по бедрам и поднялся на ноги.

– Я тут подумал, – сказал он, – нужно приобрести пару новых диванов. Что скажешь?

Кон посмотрел на него с удивлением, потом перевел глаза на голубые диваны, на которых лежали издававшие виды подушки с этническими мотивами.

– Да. Почему нет? Давай, – сказал он.

– Круто.

Тоби засунул руки в карманы.

– Я завтра отправлюсь по магазинам. Наверняка что-то присмотрю. Сейчас самое удачное время.

И правда, подумал он, для новых диванов, возможно, лучшего момента и не найти.

13

Мелинде было сорок пять. Свою восхитительную фигуру она поддерживала, занимаясь трижды в неделю в тренажерном зале, каждую неделю ходя на силовой бокс, а еще занимаясь пилатесом перед телевизором. На завтрак Мелинда ела специальный батончик для завтрака «Special K». А затем отправлялась в аэропорт Станстед – она работала в офисе компании «Monarch». Ее шкаф на кухне ломился от разных продуктов – тут были и упаковки леденцов, и лапша быстрого приготовления. Почти каждый день она пила «Cava» («Лучше, чем шампанское!»), а по субботам отправлялась в клуб с двадцативосьмилетней подругой Зои. Мелинда наносила слишком много косметики, любила слишком резкие духи и обтягивающие спортивные костюмы из велюра в светлых тонах, оголявшие ее подкачанный живот.

Тоби не знал, как относиться к женщине сорока пяти лет с подтянутым животом. Вроде как она молодец, но в то же время это слегка пугает.

Когда вечером Тоби увидел, как Мелинда, такая красивая в униформе своей авиакомпании, вошла в дверь особняка, то сразу же пошел искать ее. И застал за глажкой белья в гостиной. В комнате было душно и сыро – пахло влажным хлопком, а из наушников Мелинды доносился немного металлический призыв электронного бита. Увидев Тоби, Мелинда улыбнулась и вытащила из ушей наушники.

– Привет, мой господин! – воскликнула она, улыбнувшись. Ее резкий, девчачий голос совершенно не соответствовал внешности взрослой женщины. На мгновение Мелинда скрылась в облаке пара. – Как дела? – спросила она, появившись снова.

– Хорошо, – ответил Тоби. – Даже отлично. А как ваши дела?

– И у меня хорошо. Вот решила заняться глажкой.

Тоби окинул взглядом растущую грудку одежды на подлокотнике дивана. По большей части в этой куче были вещи Кона.

– Не хотите ли чашечку чая? – предложил Тоби.

– О... да, – ответила Мелисса, и ее розовые губки сложились в идеальный кружочек. – Не очень крепкий и, если можно, всего одну ложку сахара. Ах да, и можно мне ту кружку с кошечками? Ну ту, большую?

Тоби не знал, про какую кружку говорила Мелинда, но перерыл весь шкаф с посудой и нашел-таки ее. Когда он вернулся с чаем, Мелинда сидела, скрестив ноги, на диване, разглядывая выкрашенные в кроваво-красный цвет ногти на руках.

– Вот спасибо, Тоби, – сказала она, протягивая к кружке увешанные кольцами пальцы. – То, что доктор прописал.

Тоби сел рядом и поставил свою кружку на журнальный столик.

– Слышала, ты собираешься купить новые, – сказала Мелинда, проведя рукой по спинке дивана.

– Что?.. – не понял Тоби.

– Диваны. Кон сказал, что ты собираешься купить новые диваны.

– Да, – ответил Тоби. – Собираюсь. Эти уже свое отслужили.

– Да, – согласилась Мелинда. – Они и вправду уже пахнут.

Тоби передернуло от нелепого звучания этой фразы.

– А как там этот странный кот? – продолжала Мелинда.

– Борис? – переспросил Тоби.

– Значит, ты его так называешь? – засмеялась Мелинда.

– Да, – ответил он.

– О, мне это нравится. Эта кличка ему подходит. Как у него дела?

– Нормально, как я понимаю. Очень низкие эксплуатационные расходы. Но вся эта заморочка с кошачьим лотком меня уже напрягает. Это не очень приятно, – пожал плечами Тоби.

– О да. У моей мамы был такой же кот. Чертово недоразумение – из дома ни шагу. Но с таким, по крайней мере, есть гарантия, что не будет никаких мертвых крыс на подушке и растерзанных птичек на ковре в гостиной, – произнесла Мелинда и повернулась к нему. Она сидела на диване, подложив одну ногу под себя. Цвет ее волос не очень подходил к цвету кожи – слишком желтый, словно она перележала на солнце. У Мелинды был маленький курносый носик и нестандартной формы губы, кое-где слишком тонкие, а где-то, наоборот, слишком мясистые. У нее не было ни одной морщинки, но, как только она улыбнулась, в уголках глаз взорвался фейерверк «гусиных лапок». Однако все это было неважно – у Мелинды были потрясающе красивые глаза, бирюзовые, как море на Карибах, с густыми темными ресницами.

– Знаю, звучит ужасно, – заговорщицки наклонилась она к Тоби, – и не пойми меня превратно, но с тех пор, как умер Гус, жить стало лучше.

Тоби посмотрел на нее с плохо скрываемым ужасом, и Мелинда поспешила оправдаться:

– Нет, я не то чтобы его не любила. Не подумай ничего такого. Но ведь он был таким странным, правда же? Как будто не вписывался. А теперь, когда его нет, здесь просто идеально. Ты знаешь, Тоби, я люблю этот дом, правда-правда. С трудом представляю, что могла бы жить где-то еще.

Она посмотрела на высокий потолок и продолжила:

– Я не смогла бы переехать в какую-то непонятную квартирку с картонными стенами. Это меня *убило* бы.

И рассмеялась.

Тоби сглотнул:

– То есть вы счастливы жить вместе с Коном?

– О, это так прекрасно. Знаешь, я собиралась попросить тебя разрешить мне пожить в комнате Гуса, теперь, когда его уже нет. Но потом я подумала: неужели мне охота жить в одной комнате с этим жутким кошаком? А потом я подумала: неужели я правда не хочу жить вместе с Коном? А ведь я хочу. Правда, хочу. Мне это очень нравится. Он прекрасный парень. Я столько лет жила вдали от него. И так много упустила. Но теперь... мы *так* сблизилась, – всхлипнула Мелинда. – Словно мы с ним вдруг стали лучшими друзьями, ну, знаешь, будто мы на равных. Это прекрасно. Теперь все прекрасно.

Она улыбнулась и провела по своей кружке рукой.

– А что насчет тебя, Тоби? У тебя ведь не было девушки. Сейчас есть кто на примете?

– Э-э, нет, – поспешно заявил Тоби, которому не понравилось, как Мелинда перескочила с отношений со своим сыном к его личной жизни. – На данный момент нет.

– Ах, – сочувственно проворковала она, дотронувшись до его колена. – Жаль. Сколько тебе лет?

– Тридцать девять, – сказал он. – Будет. На следующей неделе.

– Да. Забавный возраст. Помню себя в этом же возрасте. Начинаешь паниковать, потому что кажется, будто жизнь подходит к концу. Ирония судьбы в том, что, как бы там ни было, от старости тебя все еще отделяет чертова куча лет. В молодости я думала, что в сорок пять буду уже ископаемым. Но до сорока одного у меня даже морщины не появились. А грудь так и вовсе до сих пор классно выглядит!

Она опустила кружку и задумчиво посмотрела вдаль.

– Знаешь, каждый день рождения я смотрю в зеркало и говорю себе: еще не время, Мел, ты все еще в порядке, все еще хорошо выглядишь. Конечно, приходится заставлять

себя так думать, но, поверь, оно стоит того. Особенно при такой работе, как у меня, важно выглядеть хорошо.

– Вы имеете в виду, при работе в авиакомпании?

– Ну нет, речь не совсем о работе в авиакомпании. Это так, мирское. Так я могу быть ближе к дому, ближе к Кону. Дело в том, что моя внешность играет для клиентов огромную роль. Мы – первые из представителей компании, с кем они знакомятся. Если мы выглядим ужасно, где гарантия, что полет пройдет хорошо, так ведь?

Тоби мудро кивнул, хотя подумал, что скорее будет судить о безопасности полета по состоянию самолета, чем по тому, хорошо ли накрашена девушка за стойкой регистрации.

– Что ж, – поднялась Мелинда на ноги. – Тоби, ты прекрасный парень. Уверена, в тот момент, когда ты меньше всего будешь этого ожидать, ты встретишь ту самую. И, поверь, девушки за тобой еще бегать будут.

– Неужели? – изумился Тоби.

– Да, потому что ты хороший. И высокий. Девушки обожают высоких мужчин. А еще у тебя есть этот потрясающий дом. И ты щедрый и заботливый. Я имею в виду, посмотри на всех нас, мы ведь словно беспризорники. Где бы мы все были без тебя, Тоби, ведь так? Ты приютил под своей крышей Кона. Дал мне шанс жить вместе с моим мальчиком. Ты присматривал за бедняжкой Руби с тех самых пор, как она была еще совсем ребенком. А что без тебя стало бы с Гусом? Ты герой, Тоби, настоящий герой. И какая женщина не захочет такого героя? – улыбнулась Мелинда.

Вместо ответа Тоби взял кружку и вышел из комнаты – он был просто не в состоянии придумать ничего вразумительного.

14

Тоби встал, потом опять сел, наслаждаясь ощущением. Осторожно провел рукой по ее спинке, а затем снова встал. Оглядев ее со всех сторон, он восхитился красотой ее линий. Она была так прекрасна: длинная, стройная, затянутая в кожу. Одним словом, само совершенство. Тоби взглянул на ее сестру и заурчал от удовольствия.

Перед ним были две самые красивые в мире софы.

Их привезли полчаса назад, в большом белом фургоне с крупной надписью «Congan». Обтянутые телячьей кожей насыщенного синего цвета и замшей цвета «кофе с молоком», две софы стоили шесть тысяч фунтов. Вообще-то спускать такую сумму из наследства Гуса на диваны Тоби не собирался. Свою тысячу фунтов он хотел потратить грамотно: походить на распродажи, присмотреть что-то практичное и износостойкое. А в мебельный салон «Congan» Тоби зашел только для вдохновения, как люди приходят в музей или картинную галерею – явно не затем, чтобы что-то купить. Но к нему подошла девушка-консультант в черном костюме, которая была так любезна и обходительна, что Тоби показалось невежливым никак на нее не отреагировать. К тому же он в первый раз в жизни пришел в магазин с пониманием, что может себе позволить и не самую дешевую вещь, и это чувство хотелось посмаковать подольше.

В тот момент он даже не отдавал себе отчет, какие дорогие диваны выбрал, потому что дорого было *все вокруг*. Плюс ко всему цена на эти две софы была снижена на двадцать пять процентов, так что Тоби казалось, что они достались ему совсем даром. А теперь, увидев это великолепие посреди побитых молью ковров, рядом с журнальным столиком, по которому уже давно плакала помойка, он почувствовал себя полным идиотом. Шесть тысяч фунтов. За эти деньги можно было полностью отремонтировать две ванны или купить новую кухню. Или вообще вызвать декоратора и сделать косметический ремонт во всем особняке. Или хотя бы поменять везде ковры и купить новый бойлер в котельную. Но ведь дешевая кухонная мебель или новый ковер – это неинтересно, подумал Тоби, с любовью глядя на два новеньких дивана. Мебель должна вдохновлять. Диваны как бы сообщают, что этот особняк возрождается, говорят о его новом стиле. Эти две софы – вехи в новой истории дома.

Тоби услышал, как открылась входная дверь и в коридоре послышались шаги. Он вдруг почувствовал себя неловко – его застали с поличным, рядом с дорожными диванами. Тоби безуспешно попытался принять более-менее естественную позу. В результате, когда спустя две секунды вошла Руби, он сидел на краешке стола, разглядывая свежий номер журнала «Reveal».

– Ой, – произнес Тоби. – Привет.

Он встал, и журнал с грохотом полетел на пол.

– О. Мой. Бог, – только и смогла произнести Руби, увидев диваны. – О мой бог, – снова сказала она, подходя ближе. – *Что это?*

– Новые диваны, – выдохнул Тоби.

– Да, я вижу, но, господи боже мой, я имею в виду – они же красивые, – сказала Руби. Она нежно провела рукой по одному из диванов, и ее кожаная куртка соскользнула на пол.

Тоби нехотя улыбнулся:

– Спасибо.

– Не могу поверить. Они наверняка стоят *целое состояние*.

– Ну да, но они были со скидкой, – попытался оправдаться Тоби.

– Все равно. Боже. Это настоящая замша? – изумилась Руби.

– Да.

Она села и провела руками по замшевому покрытию.

– Бог мой, Тоби Доббс, кто бы мог подумать, что у тебя такой шикарный вкус?
Тоби почувствовал прилив гордости, которая поднималась в нем, словно пузырьки в шампанском.

– Откуда эта красота? – спросила Руби.

– Из салона «Conran», – пробормотал Тоби.

– «Conran»?! Господи, Тоби, ты что, *украл* их, что ли?

– Нет, конечно нет. Заплатил. Наличными.

– Но как, черт возьми, ты это сделал?

Тоби вздохнул. Он знал, что в какой-то момент придется все объяснить.

– Гус.

– Гус?

– Гус оставил мне немного денег. По завещанию.

Глаза Руби расширились от удивления.

– Не может быть! Сколько?

– Пару тысяч. Не так много. Не так много, чтобы отовариваться в «Conran». Но я просто... Я не знаю...

– Тебе они просто понравились?

– Да.

– О Тобз. – Руби положила руку ему на колено. – Ничего страшного. Нормальные люди все время так делают – совершают *экстравагантные* поступки. Прими это как данность.

Тоби улыбнулся.

– Так что? – спросил он. – Тебе нравится?

– Шутишь? Я *в восторге*, – заявила Руби.

– Хорошо, – ответил Тоби.

– И все же, – спросила Руби, – скажи: сколько тебе оставил Гус? Какую сумму?

– А вот и не скажу! – заупрямился Тоби.

– Почему?

– Потому что не хочу, чтобы об этом узнал кто-то еще.

– Я никому не скажу.

– А гарантии где?

– Обещаю и клянусь.

– Нет, – отрезал Тоби, сложив руки на груди.

– О Тоби! Не могу поверить, что после стольких лет ты мне не доверяешь, – обиженно произнесла Руби.

– Дело не в том, что я тебе не доверяю. Просто...

– Что ты мне не доверяешь. Боже, Тобз, как будто я украду у тебя эти деньги! – закатила глаза Руби.

– Я этого не говорил.

– Да ладно, неважно. Я все равно все пронюхаю. Ты меня знаешь.

Тоби усмехнулся. Он жил с Руби в одном доме уже пятнадцать лет, но все еще не мог похвастаться тем, что хорошо ее знал. Нет, конечно, он знал некоторые детали – например, какие звуки она издавала во время секса или какого цвета ее соски. Он мог предсказать ее настроение или поведение. Но знал ли он ее по-настоящему?

– Так что у тебя там с Полом Фоксом? – спросил Тоби. – Его в последнее время не видно.

Руби пожала плечами. Она обнаружила на своем свитере выбившуюся шерстяную нитку и стала наматывать ее на палец:

– Не так уж долго его нет. Мы слегка повздорили на прошлой неделе.

– Ах вот как. Из-за чего?

– Из-за этой его, как же, забыла... *Элизы*.

– Ну а чего же ты ждала?... То есть пойми, у него ведь есть другая.

Руби закатила глаза:

– О боже, Тобз, не начинай. Не надо мне говорить, что делать, и я тогда не скажу тебе, куда пойти.

– Я не пытаюсь тебе указывать, что делать, но... то, что у тебя с Полом – это неправильно во многих отношениях. Я не понимаю тебя – ты достойна большего, – пробормотал Тоби.

– То есть ты думаешь, мне стоит завести себе хорошего парня и остепениться?

– Ну да. Разве ты не этого хочешь?

– Нет. Совершенно.

– Но что будет потом?

– Потом?

– Да. Куда ты пойдешь? Что будешь делать?

– Я не очень понимаю.

– Я просто имею в виду, что...

Тоби хотел было продолжить: «Тебе тридцать один, у тебя нет друзей, нет карьеры, а я собираюсь выгнать тебя из дома, в котором ты живешь с шестнадцати лет». Он собирался сказать: «Ты в свободном падении, и нет никого, кто тебя поймает». Он собирался заявить: «*Я не хочу, чтобы ты закончила так же, как я*». Но не заявил. А вместо этого улыбнулся:

– Я просто беспокоюсь о тебе, вот и все.

– Так не беспокойся, – ответила Руби. – У меня все нормально. Я могу о себе позаботиться.

– Хорошо, – ответил Тоби. – Хорошо.

15

По наблюдениям Тоби, в настоящее время распорядок дня Джоанны выглядел примерно следующим образом:

7.45 Высушить волосы. Сделать необычную прическу.

8.00 Заварить себе этот жуткий кофезаменитель из цикория. Принести чашку в столовую. Выпить эту гадость, читая газету «Mail» и слушая радиостанцию «Virgin FM».

8.30 Выйти из дома в чем-то совсем уж несуразном, иногда в очках, иногда нет.

18.00–23.00 Вернуться домой, когда трезвой, когда пьяной, всегда в одиночку. Сразу отправиться к себе в комнату (время от времени останавливаясь по дороге, чтобы взять из кухни столовые приборы, если принесла с собой поесть, или принести бокал вина, если есть повод что-то отметить).

00.00–02.00 Выключить телевизор. Пойти спать (кажется).

Вчера Джоанна ушла на работу в черно-белой мини-юбке с узором «шахматная доска», красной футболке поло и кожаных сапогах на толстой подошве с пряжками. Ее волосы были щедро смазаны гелем и уложены назад, а на губах красовалась помада весьма странного оттенка, напоминавшая по цвету речной ил. Сегодня же на Джоанне было подобие комбинезона для беременных, белая хлопковая рубашка, толстые колготки темного оттенка и красные балетки. Волосы ее были уложены на центральный пробор, и по прядям шла странной формы волна. На Джо не было макияжа, но красовались очки в красной оправе (у нее была еще одна пара очков – без оправы). Джоанна выглядела как беременная учительница-француженка на грани нервного срыва. Сейчас она хлопотала на кухне над своим чудо-«кофе».

Тоби насыпал себе в миску мюсли из нового пакета и несколько удивился, увидев среди злаков нечто красное. Он с любопытством взглянул на маленькие красные точки, пытаясь найти их присутствию рациональное объяснение. Затем взял один из шариков и положил между большим и указательным пальцами. Судя по ощущениям, это был какой-то сухофрукт. Тоби поднес красную точку к губам и лизнул. Сладкая. Он повернулся и посмотрел на Джоанну.

– Эй, – сказал он. – Как думаете, что это такое у меня в мюсли?

Джоанна подпрыгнула от неожиданности, но не обернулась.

– Эмм... все хорошо? – не отставал Тоби.

Он услышал, как она вздохнула.

– Простите, что вы сказали? – повернулась она медленно, чтобы понять, что затеял Тоби.

– Эти красные штучки в мюсли. Как думаете, что это?

Тоби протянул ей миску.

Поверх своих красных очков Джоанна посмотрела сначала на него, потом на миску.

– Простите, – сказала она в конце концов. – Не уверена, что понимаю, о чем это вы меня спрашиваете?

Теперь настала очередь Тоби вздохнуть.

– Ничего, забудьте, – сказал он. – Я просто дурачился.

Она покосилась на него.

– Просто, – с отчаянным усилием продолжил Тоби, – я ел эти мюсли каждое утро, а сегодня впервые заметил в них что-то красное, и мне стало интересно, могли бы вы пролить свет на этот вопрос. Вот и все.

Джоанна посмотрела на Тоби с любопытством.

– Нет, – сказала она. – Нет. Не думаю.

Тоби пожал плечами и попытался снова заставить себя улыбнуться.

– Ну что ж. Я думаю, тогда придется просто съесть их и надеяться на лучшее.

Джоанна натянуто улыбнулась и вернулась к своему кофе.

Тоби снова попытался завязать разговор:

– А что это вы такое пьете?

И указал на банку.

– Кофе, – ответила Джоанна.

– Но ведь это не обычный кофе? – упорствовал Тоби.

– Нет, обычный, – как ни в чем не бывало сказала Джоанна.

– Не может быть.

Тоби улыбнулся и снова указал на этикетку.

Джоанна посмотрела на банку с напитком.

– Что вы имеете в виду? – спросила она.

– Посмотрите. – Тоби поднял банку и показал Джоанне. – Это всего лишь цикорий.

– *Цикорий*? – изумилась та. Она взяла банку и уставилась на этикетку. – Но я не понимаю, как так может быть? Как кофе может быть из цикория?

– Именно. В этом-то и дело: здесь совсем не кофе, вы ведь понимаете? Это кофезаменитель, который не содержит кофеина, – подмигнул ей Тоби.

– Да, но зачем тогда мне его продали, если я хотела именно кофе?

– Ну а где вы его купили?

– В магазине здоровой пищи.

– Вы купили кофе в магазине здоровой пищи?

– Ну да, я почти всю свою еду покупаю в таких магазинах.

– И даже кофе?

– Да.

– Который сам по себе категорически не «здоровый»?

– Ну, мне кажется, я просто об этом не думала. Я заметила слово «кофе», а мне как раз было нужно, и я подумала, такой кофе лучше, чем тот, что продается в супермаркете, – пожала плечами Джоанна.

– Да, безусловно, такой кофе более «здоровый», – улыбнулся Тоби, но она просто нахмурилась и отвернулась. – А вам не показалось, что привкус у этого кофе немножко странный?

– Ну, совсем чуть-чуть. Но я-то подумала, что это из-за «здоровости». Да и какая разница, боже мой, – ответила Джоанна.

Она взглянула на этикетку и вскрикнула от негодования.

– Вы только посмотрите, – сказала Джоанна. – Вот же оно. Черным по белому. «Цикорий». А я-то, дура, подумала, что это бренд. Вот гадство...

Она швырнула банку на стол и, насупившись, уставилась в окно.

– Если хотите, у меня есть «Nescafe», – через мгновение произнес Тоби.

– Нет, – отрезала Джоанна. – Нет, я попью этот идиотский *цикорий*. Все нормально.

– Вы уверены? – с сомнением произнес Тоби.

– Да, – прошипела она, все еще спиной к нему.

– Хорошо, – сказал Тоби, открывая холодильник и наливая себе в миску немного молока. – Вы пейте ваш цикорий, а я буду есть свои красные шарики, и пусть это будет для нас уроком.

Мгновение спустя Джоанна отправилась в столовую, и Тоби последовал за ней.

– Это клюква, – сказал он, поставив миску на стол. – Вот эти красные штучки. Я прочитал на упаковке. Там было написано мелким шрифтом. Производители продуктов питания

вот так нас изводят – все эти маленькие изменения в составе. Они думают, мы не заметим, а в результате мы едим клюкву и пьем цикорий. Да и к тому же, что вообще *такое* этот цикорий?

Джоанна перевернула страницу своей газеты, игнорируя вопрос Тоби.

– Могу ли я попробовать? – спросил он. – Ваш кофезаменитель?

Она посмотрела на него, и Тоби заметил, как мышцы ее лица начали сокращаться, а обычное выражение сменилось гневной гримасой.

– Пожалуй, не стоит, – процедила сквозь зубы Джоанна.

– Ох... – ретировался Тоби. Он ждал, что сейчас она объяснит почему, но Джоанна просто продолжила читать газету.

Так как в ничего не значащую беседу Джоанна вступать явно не хотела, Тоби решился заговорить о более серьезных вещах.

– Ну как, чем вы занимаетесь в данный момент?

Джоанна шумно вздохнула:

– Слушайте, Тоби. Буду откровенной. Я явно не «жаворонок». Я по утрам предпочитаю пить кофе и читать газету в одиночестве. Чтобы рядом никого не было. Ну, разве только в самом крайнем случае. Так что... не будете ли вы так любезны?..

Тоби кивнул и молча выдохнул.

– Конечно, – сказал он. – Я понимаю.

Он взял какой-то каталог, который кто-то почему-то оставил на столе, и, не глядя, стал пролистывать его, поглощая свой завтрак. С одной стороны, Тоби восхищался откровенностью Джоанны. С другой стороны, он просто не мог поверить в то, что она такая безапелляционная. Он украдкой взглянул на руки Джоанны. У нее была очень бледная кожа, под которой виднелись синие вены.

На указательном пальце левой руки было кольцо, простое кольцо из золота, без камней. На левом запястье Джоанна носила миниатюрные серебряные часы с синим циферблатом. На шее красовалась серебряная цепочка с кольцом и медальоном. И там, на внутренней стороне руки, слегка выглядывал из-под рукава накрахмаленной белой рубашки первый намек на настоящую Джоанну. Татуировка. Трудно было сказать, что на ней изображено – слишком маленькая часть виднелась из-под рукава, но можно было заметить, что черные чернила уже успели поблекнуть, словно татуировке уже не один год. Тоби открыл было рот, чтобы что-то сказать по этому поводу, но передумал.

У Джоанны была татуировка. На внутренней стороне руки. Словно у преступницы. Или пленной. Или школьницы, у которой трудности с поведением. У Джоанны было прошлое. Просто теперь нужно вытащить из нее информацию о нем, и в таком случае обычной повседневной беседой дело не ограничится.

Затаив дыхание, Тоби постарался стать тише воды, ниже травы. Джоанна шла в нескольких футах впереди, но сейчас застыла посреди тротуара. На ней был розовый твидовый пиджак с черной отделкой, узкая фланелевая юбка. Дополняли наряд розовые туфли на невысоком каблуке и розовая же замшевая сумочка, в которой она отчаянно рылась, пытаясь что-то найти. На голове Джоанны был кавардак из наскоро прилепленных светлых прядей, и с румянами она сегодня явно переборщила. Наконец она вытащила из своей сумочки нечто, напоминающее кредитку, и неуверенно направилась в сторону здания, где, судя по надписи на вывеске, размещались с полсотни различных мелких предприятий. Она протолкнула «кредитку» сквозь щель в стене и прошла в тяжелые стальные двери. Крупный мужчина за изогнутой стойкой регистрации улыбнулся ей и протянул на подпись журнал. Джоанна расписалась, а затем исчезла где-то в задней части холла. Вздыхнув, Тоби присел на скамейку.

Он выждал несколько минут, пока не удостоверился, что Джоанна уже за своим рабочим столом, а потом неспешно подошел к дверям, чтобы изучить надпись на стальной планке:

АДВОКАТСКОЕ АГЕНТСТВО «ДЭВИС И КО»
ДОМ МОДЫ «РОДНИ ФИЛД»
«УЛЬТРАЛАЙТ БЬЮТИ СИСТЕМС»
ЛАРКИН АБДУЛЛА – ЮРИДИЧЕСКИЕ УСЛУГИ
АТЕЛЬЕ «ТИАРЭЛЛА»

Тоби нажал кнопку звонка, и великан за стойкой поднял на него взгляд.

– Вам куда? – протрещал он в домофон.

– Не знаю, – ответил Тоби. – Мне нужна Джоанна Фиш.

Мужчина наморщил лоб и стал что-то выискивать на своем мониторе.

– Фиш? – повторил он в конце концов.

– Да. Джоанна Фиш. Она пришла около пяти минут назад. Блондинка в розовом, – уточнил Тоби.

– Ах, эта. Точно. Значит, в «Тиарэллу», – сказал человек за стойкой.

– В «Тиарэллу». Конечно. Спасибо, – ответил Тоби, кивнув для верности.

– Последний звонок внизу.

– Так. Спасибо.

Тоби натянуто улыбнулся и показал некое подобие ободряющего жеста. А потом, что привело мужчину за стойкой в некоторое замешательство, зашагал прочь от здания. А все было просто. Тоби специально проследил за Джоанной в надежде раскрыть нечто шокирующее, что красноречиво свидетельствовало бы о ее натуре. И все, что он обнаружил – то, что Джоанна работает в офисе. В Вест-Энде. Так же, как миллионы других. Всего лишь.

Он вздохнул и направился к улице Оксфорд-серкус.

16

На прошлой неделе Лия обошла множество адресов в поисках жилья. Она успела увидеть и ванную с плесенью на коврике, и кухню, где на полочке стояла клетка с домашней крысой, и спальню без окон. Она встретилась с женщиной, чьи кроссовки воняли так сильно, что их можно было учуять аж от самой входной двери, с женщиной, которая, судя по всему, только что сделала подтяжку лица, и с парнем, у которого было целых пять чихуа-хуа. В одном из домов требования были следующими: телевизор можно смотреть только до девяти, вечером в пятницу нельзя уходить из дома, а в «общих помещениях» запрещается пить алкогольные напитки. К тому же закономерность заключалась в следующем: если комната была хорошая, то сосед – ужасным; а если была ужасной комната, то сосед – еще хуже.

Вернувшись домой с очередного осмотра – грязная и мрачная квартира на цокольном этаже на Хорнси-лейн, хозяина которой звали Вилли, – Лия позвонила Амиабху. Отчасти потому, что скучала и хотела услышать его голос, но в основном потому, что оказалась в подобном положении именно из-за него.

– Привет! Это я.

В трубке с мгновение помолчали, а затем оттуда раздалось:

– Здравствуй.

– Как дела? – спросила Лия, стягивая со ступни кроссовку.

– Хорошо, – ответил Амиабх. – У меня все хорошо. А у тебя как дела?

– Дерьмово. На самом деле, – ответила она.

– Ох. – Лия услышала, как Амиабх сел, по-видимому, на кровать. Она могла представить, как он поглаживает подбородок – так он делал всегда, когда ему было неловко.

– Да. Вся эта погоня за жильем – сущий кошмар. Я слишком стара, чтобы делить комнату или квартиру с кем-то еще. Слишком заскорузла. Боюсь, я могу жить только одна, – рассказала Лия.

Амиабх вздохнул.

– Почему бы тебе не купить квартиру?

– Потому что, – ответила Лия сердито – этот разговор повторялся уже в миллионный раз, – на моем счету в банке сто два фунта, и когда я в последний раз узнавала, сколько стоит квартира в Лондоне, стоила она несколько дороже.

– Но ты ведь можешь взять ипотеку, – сказал Амиабх. – Они сейчас снова предлагают сто процентов. Иногда даже сто десять.

– Ммм... Какая прекрасная мысль, – без энтузиазма ответила Лия. – На всю оставшуюся жизнь связаться с ипотекой, которую никогда не смогу выплатить, потому что работаю управляющей в магазине. И, конечно, никогда из этой новой квартиры не выходить – потому что просто не смогу себе этого позволить.

Амиабх вздохнул.

– А знаешь, это ведь ты во всем виноват. Во всем, – с горечью произнесла Лия.

Он снова вздохнул.

– И о чем ты только думал, а? Нет, правда?

– Я не думал. Я просто... жил. Представь себе, – ответил Амиабх.

– Нет, не представляю. Мы были на стольких свадьбах... Ты хоть раз думал, как хотел бы поступить сам, а не только о том, как надо? Неужели ты ни разу, лежа в постели, не думал на сон грядущий: а что же будет с нами обоими? И как это все должно закончиться? – спросила Лия.

– Нет, – ответил Амиабх. – Никогда. Честно.

– Тогда о чем ты думал?

– Я не знаю, – сказал Амиабх. – О еде. О работе. О телике. Думаю, мне просто не приходило в голову, что я когда-нибудь доживу до этого момента. Что мы оба до этого доживем. Наверное, я просто думал, что у нас впереди вечность.

Лия выдержала небольшую паузу, чтобы выделить следующие слова.

– Так, – произнесла в конце концов. – То есть, если бы старик Гус не умер, все было бы по-прежнему, а в один прекрасный день мы бы с тобой вдруг проснулись и поняли, что нам обоим пятьдесят?

– Да. Нет, то есть я имею в виду, я бы, может быть, понял раньше, что у нас ничего не получится, но смерть старичка ускорила процесс.

– Тогда хвала Гусу за то, что он выбрал идеальный момент. Потому что чертовски хреново оказаться в таком положении, как я сейчас, когда тебе тридцать пять. А представь, если бы мне уже было сорок? На самом деле, знаешь, в этот момент я так на тебя зла... Очень и очень зла.

– О боже, Лия. Прости, – вздохнул Амиабх.

– Твое «прости» тут не поможет. «Прости» – это просто очередная отговорка. Ты – это просто куча отговорок. Жалких, незрелых, эгоистичных, жирных отговорок, – сквозь зубы процедила Лия.

– Жирных? – не понял он.

– Да, жирных. Ты жирный. И волосатый. Но это не имеет значения, потому что какой-то бедной девушке придется выйти за тебя замуж только потому, потому что ее мама и папа так велели, – прокричала Лия в трубку.

Повисла мертвая тишина, а через две секунды раздалось нечто, похожее на возмущенный рев, но Лия быстро поняла, что Амиабх просто оглушительно хохочет. Он произнес в трубку:

– О боже, Лия. Ты такая смешная. Я скучаю по тебе.

Лия почувствовала, как уровень ее адреналина падает, а мышцы расслабляются. Она с трудом улыбнулась и сказала:

– Я тоже по тебе скучаю. Сильно. И хочу, чтобы ты был какой-нибудь другой национальности.

– Да, – сказал Амиабх. – Я тоже.

На мгновение оба замолчали, а затем Лия взглянула на часы и ужаснулась:

– Вот черт. Мне пора.

– Куда это ты? – удивился Амиабх.

– В «Клиссолд-Армс». Сегодня день рождения Тоби.

– Тоби?

– Ну, Тоби, который живет напротив. Молодой тощий парень. Только он оказался не таким уж молодым. Ему тридцать девять.

– А при чем тут ты?

– Он меня пригласил.

– Что? Это свидание?

– Нет, конечно нет! Он просто хочет познакомить меня со своими жильцами.

– То есть ты познакомишься с Подростком, и со Стюардессой, и с *Сибил*?!

– Ну да, – сказала Лия. – Может быть. Я не знаю, кто придет.

– И с Девушкой с Гитарой? – не унимался Амиабх.

– Ам, я же сказала, что не знаю, – отрезала Лия.

– О боже, это так несправедливо. Три года я жил напротив этого особняка, а тебя пригласили познакомиться с жильцами только тогда, когда я уже съехал. Может, мне можно прийти? – с надеждой спросил он.

– Нет. Ты же знаешь – мы теперь не можем никуда вместе ходить, – грустно ответила Лия.

– Но мы же останемся друзьями? Мы ведь можем по-прежнему видеться? – спросил Амитабх.

– Не знаю. Может быть. Слушай, мне пора. Я перезвоню тебе в ближайшее время, ладно? – заторопилась Лия.

– Хорошо, – проворчал он. – Лия?

– Да?

– Я люблю тебя.

17

Лия вернулась домой из «Клиссолд-Армс» только после одиннадцати. Она захлопнула за собой дверь и тяжело облокотилась на нее. Тело с радостью расслабилось – она наконец-то была дома. На самом деле вечер прошел на удивление отвратительно. Из всех приглашенных явились только Руби и Кон, которые отчаянно флиртовали друг с другом, а потом, судя по всему, удалились, чтобы заняться сексом. Тоби наблюдал за этим брачным ритуалом с плохо скрываемой досадой, а Лия изо всех сил пыталась сохранять непринужденный вид. Поэтому в итоге она страшно напилась. Лия так ничего и не узнала о двух жильцах Тоби, кроме того, что они были заинтересованы друг в друге как в сексуальных партнерах, а о Тоби узнала лишь то, что он, судя по всему, был безнадежно влюблен в Руби – он весь вечер только о ней и говорил, а в какой-то момент Лия и вовсе подумала, что Тоби сейчас расплчется.

Тишина пустой квартиры давила на Лию. Она почувствовала, как у нее жужжит в ушах, и поняла, что смертельно пьяна. Она вздохнула и огляделась вокруг. Жить тут без Амитабха было невыносимо. Но мысль о том, чтобы жить где-то еще или с кем-то еще, показалась не менее невыносимой. Лия вспомнила недавний разговор с Амитабхом – как он сказал, что хотел бы быть другой национальности, что он ее любит. А потом сделала нечто нелепое. Она взяла трубку и позвонила родителям Амитабха.

– Здравствуйте, госпожа Варшни. Малини. Это Лия.

– Лия? – удивленно произнесли на том конце провода.

– Привет. Как ваши дела?

– Лия. Время уже позднее...

– Знаю. Простите меня. Я просто...

Лия вздохнула и села на диван. И продолжила:

– Не знаю. Так как ваши дела?

– Я устала, вот как. Я спала, ты меня только что разбудила, и теперь я чувствую себя уставшей. У тебя все в порядке?

– Да. На самом деле, нет. Я тут подумала над тем, что Амитабх сказал мне, когда мы расстались. Это правда? Вы действительно были бы против нашего с ним брака?

Малини громко вздохнула.

– Ох, Лия, Лия, Лия. Что я могу тебе ответить?

– Скажите, что это не так. Что он был не прав. Скажите, что вы были бы счастливы, если бы ваш младший сын женился на такой, как я, – с надеждой произнесла Лия.

– И я бы это сделала, – тихо ответила Малини, – если бы не была индианкой. Если бы моя фамилия была Смит, а мои родители были бы родом из Беркшира, и каждое воскресенье я ходила бы в церковь, то другой невестки я бы и пожелать не могла. Но, увы, это не так.

– А если я приму индуизм? Это ведь возможно?

– Дело не в *религии*, Лия. Здесь речь идет о семье, о родословной, кастах и традициях. Против этого мы бессильны, – ответила Малини еще тише.

– Но, Малини, я ведь так сильно его люблю! – почти плача, произнесла Лия.

– Я верю, моя милая. Но есть и кое-что другое, в чем ты должна отдавать себе отчет, – медленно ответила женщина на другом конце провода.

– О чем вы говорите? – фыркнула Лия.

– Дело в том, что, если бы Амитабх любил тебя так, как его любишь ты, он бы женился на тебе, наплевав на все традиции.

18

Кон распахнул дверцу шкафа и пробежал взглядом по висящим на вешалках нарядам. Но, как назло, вся его одежда в этот день выглядела не так – слишком яркая, слишком чистая, слишком нарочитая. Его джинсы были слишком новыми, слишком синими, на них было слишком много молний и застёжек. Становилось понятно, как серьезно Кон подходит к выбору своего гардероба. Но этим утром он хотел выглядеть так, словно оделся наспех, в первое, что под руку попало, так, как, например, одевался Тоби. Кон даже подумал, а не зайти ли к Тоби и не попросить ли у него что-нибудь, но тут же отбросил мысль об этом – слишком уж гейским казался ему такой вариант.

Кон перебрал все свои свитера. Бежевый. Ему нужен был бежевый свитер. Или совсем белый. Что-то простое. Все, что он смог найти, – свитер Paul Smith из шерсти мериноса в бледно-желтую клетку, но в нем он выглядел словно студент Оксфорда. Или, например, льняная светло-зеленая рубашка French Connection? Слишком по-летнему. В итоге Кон остановил свой выбор на старых джинсах Levi's в сочетании с белой фланелевой рубашкой в крупную клетку серого цвета. Обуться он решил в свои коричневые замшевые кроссовки Puma. Части наряда между собой не очень-то гармонировали: рубашка была слишком яркой, джинсы порвались на колене, и дырка выглядела фальшивой, хотя была настоящей, а кроссовки выглядели слишком новыми, но это было ближе всего к тому, как он хотел одеться в этот день.

Со своей кровати Мелинда наблюдала за тем, как сын подбирает одежду.

– Что это на тебя нашло? – с подозрением спросила она.

– Что? – не понял Кон.

– Почему ты надел старые джинсы?

– Не знаю. Просто захотелось что-нибудь из старенького надеть.

– Из-за Руби? – прищурилась Мелинда.

– Руби? – со смешком произнес Кон.

– Конечно. Это ведь ты на нее пытаешься произвести впечатление?

– Что? – переспросил Кон. – Зачем мне это?

– А то ты сам не знаешь?!

Кон вздохнул и, оглядев себя в зеркале, провел рукой по волосам.

– Нет, мама, я не пытаюсь произвести впечатление на Руби. То, что было между мной и Руби, – ерунда, помнишь, что я тебе сказал? Ерунда. Она меня не интересует.

– Тогда зачем ты?... – спросила было Мелинда, но остановилась на полуслове. – А впрочем, неважно. Ох, мужчины. Вы все для меня загадка.

По правде говоря, для Кона и самого было загадкой, почему то, что случилось в пятницу вечером, вообще случилось. Он заглядывался на Руби уже довольно долго, но не так, как разглядывают кого-то конкретного, а так, как мужчина смотрит на красивую девушку. Мир вокруг Кона был полон красивых девушек, словно на свернутых в рулон фотообоях. Иногда, впрочем, какая-нибудь отдельная представительница соскакивала с этих фотообоев. Иногда он начинал думать о девушке, даже когда ее не было в поле зрения, иногда он думал о том, чем она сейчас занята, иногда ему хотелось подольше ее рассмотреть, чтобы унести ее частичку с собой. И если такое с ним случалось, девушка эта явно была чем-то особенным. Руби же совсем из другой оперы.

Он шел мимо нее по лестнице, думая, что она красивая, и тут же переставал думать о ней вовсе. Он видел, как Руби ест банан, думал, что она сексуальная, и тут же переставал думать о ней. Он видел, как она шла по дороге в обтягивающих джинсах и сапогах на шпильках, и думал, что соблазнительная, и тут же переставал думать о ней. С Руби всегда было

именно так. Никакого разглядывания, никаких размышлений. Незачем останавливаться и задумчиво глядеть ей вслед. На Руби можно было лишь тупо поглазеть. Вот почему то, что на дне рождения Тоби они переспали, застало Кона врасплох. Очевидно, свою роль тут сыграло и количество выпивки, и чувство новизны. А Руби дразнила Кона – мол, у тебя никогда не было женщины старше тебя, и голос в его голове вторил: переспать с женщиной старше себя. Галочка в списке ста вещей, которые нужно сделать до того, как тебе стукнет тридцать, – пометить, не забыть, сделать, когда представится шанс. Вот он и представился. Кон знал, что совершает ошибку – к тому моменту, когда они с Руби покинули паб, это было понятно, только сделать ничего уже было нельзя. Кон не мог пойти на попятный; тогда бы он точно выглядел как идиот. Так что он просто последовал за ней в спальню, положил ее среди всего этого девчачьего хлама на кровати – подушек, валиков, перьев и блесток – и с головой ушел в процесс. Как порнозвезда, словно бы работал на камеру. Он каждый день будет видеть Руби: они ведь живут в одном доме. Нужно было выложиться на полную катушку, иначе он никогда не сможет смотреть ей в глаза. И Кон постарался.

Он не знал, что будет дальше. Но повторять этого не хотел – и так уже было слишком. Руби была не в его вкусе, и не больно-то она его интересовала. Впрочем, судя по тому, как часто она меняла мужчин, это уже не проблема. Кон был не чем иным, как очередной отметкой на ее спинке кровати. И это его устраивало.

– Как думаешь, в этой рубашке я не выгляжу как ботаник? – спросил Кон свою мать.

– Нет, – улыбнулась Мелинда. – Хорошая рубашка. И потом, какая разница? Ты ведь собираешься на работу. Кого там вообще волнует, как ты одет?

– Никого, – ответил Кон. – Никого.

Она сидела за своим столом у окна, и яркий солнечный свет по диагонали падал через стекло на ее рабочее место. Одетая она была в шифоновую блузку кремового цвета, хлопковый жилет с карманами и узенькую джинсовую юбку с бахромой на подоле. На ней были остроносые туфли на небольшом каблучке, а прекрасные волосы были убраны назад. Дейзи выглядела как маленькая фея, вся такая воздушная и пастельная.

При звуке подъезжающей тележки Кона она вздрогнула и вскочила на ноги.

– О боже, – запричитала она. – То есть прости. Уже что, три часа?

Кон кивнул.

– Дерьмо. У меня до сих пор ни черта не готово!

Она начала судорожно шарить по столу, словно пытаясь разом найти все необходимые конверты и бумаги.

– Подождешь пару минут, хорошо?

И так было всегда. В редакции всегда работали исключительно чокнутые подростки, вчерашние школьники, которые вдруг решили подработать перед универом, или вчерашние выпускники университетов, которые едва успели вернуться с другого конца земли, где целый год либо учились дайвингу, либо курили косячок. Такие не носят часов. И никогда не следят за временем. У них всегда все в спешке, в последний момент. Обычно Кона раздражало подобное отношение. Но не в этот раз. Сейчас он обрадовался и готов был сколько угодно смотреть, как Дейзи порхает вокруг него, словно сбитая с толку прекрасная бабочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.